

Николай КОНДРАТЬЕВ

НА ЛИНИИ ОГНЯ

ГЕРОИ СОВЕТСКОЙ РОДИНЫ

ГЕРОИ СОВЕТСКОЙ РОДИНЫ

Николай КОНДРАТЬЕВ

НА ЛИНИИ ОГНЯ

[Эпизоды из жизни командарма Ивана Федько]

Издание второе,
дополненное, исправленное

Издательство политической литературы · Москва · 1974

Кондратьев Н. Д.

К64 На линии огня. (Эпизоды из жизни командарма Ивана Федько). Изд. 2-е, доп. и испр. М., Политиздат, 1974.

128 с. (Герои Советской Родины).

В книге рассказывается о прославленном полководце гражданской войны, видном военачальнике Красной Армии Иване Федоровиче Федько. От солдата до командарма 1-го ранга, заместителя наркома обороны СССР — таков пройденный им славный путь. Орден Ленина и четыре ордена Красного Знамени венчают его ратные подвиги, его выдающиеся заслуги перед Советской Родиной.

Автор книги — ленинградский писатель Николай Кондратьев, перу которого принадлежат документальные повести «Ян Фабрициус», «Маршал Блюхер», «Человек долга», «Идем за Лениным», «Товарищ Петерсон», «Сквозь револьверный лай» и другие.

К $\frac{10604-137}{079(02)-74}$ 229—74

355С

© ПОЛИТИЗДАТ, 1974 г.

Я заверяю вас, что приложу все силы к тому, чтобы полностью оправдать оказанное мне высокое доверие. Всегда, везде и всюду буду работать на благо Родины.

Иван Федько

...Майский день был ясным и теплым. В молодом зеленом парке собрались жители старинного села Хмелов, привольно раскинувшегося вдоль тракта Ромны — Конотоп. Надев ордена и медали, пришли герои Великой Отечественной войны. Под бодрую и звонкую музыку явились и замерли в строю необычно серьезные и важные пионеры и комсомольцы местной средней школы. Нарядно одетые девушки принесли венки ярких полевых цветов. Издалека приехали знатные гости — седые ветераны гражданской войны. Прибыли представители из областного города Сумы и из столицы Украины — Киева.

Говорили вполголоса и нетерпеливо поглядывали на высокий, еще закрытый белым покрывалом монумент.

На грузовых машинах подъехали из соседних сел колхозники, и наступила пора начинать митинг.

Прошуршав, медленно сползло на землю белое полотнище. Щедрое солнце высветило, озолотило человека, увековеченного в бронзе. Лицо волевое, мужественное и в то же время добродушное и веселое. На широкой груди — в два ряда ордена. И хотя все знали, кого изобразил скульптор, но невольно прочли про себя или вслух:

**Герой гражданской войны
Иван Федорович Федько
1897—1939**

Стоявшая впереди пожилая женщина, в простеньком белом платочке, Клавдия Степановна Федько, тронула плечо соседки, сказала восхищенно-радостно:

— Смотри — дядя Ваня! Как живой! Вернулся. Все-таки вернулся к нам. И навсегда...

— Оно и понятно. Здесь родился, здесь босиком бегал... Отсюда и в люди пошел...

Начало пути

1

...Иван Федько родился 24 июня (по старому стилю) 1897 года в семье потомственного запорожского казака Федора Ксенофонтовича, жившего в одной хате с братом Яковом и незамужними сестрами Мариной и Марфой. Нужда была постоянной и безысходной: пахотной земли мало, да и находились полоски в десяти — двенадцати верстах от села.

Федор Ксенофонтович славился в селе как человек грамотный, отзывчивый, добродушный. Земляки обращались к нему с просьбами написать «дельные бумаги» — прошения и жалобы волостному и уездному начальству. Разборчивый, красивый почерк выручил Федора Федько и в армии — новобранец довольно быстро избавился от тягостной строевой муштры, получив должность писаря в управлении казачьих войск в Петербурге. Через канцелярию управления проходили различные документы, и сре-

ди них попадались донесения командиров о подавлении «беспорядков на фабриках и заводах», об изъятии «крамольных» листовок и прокламаций.

Вечерами молодого писаря мучила тоска по родному дому, по семье. Письма приходили очень редко: жена неграмотна, да и сыновья Степа и Ваня еще не умеют писать. Федор Ксенофонтович обрадовался, когда наконец-то вышел срок службы, и, не задерживаясь, сразу же выехал в Хмелов. До своей хаты добрался поздно вечером. Маленькие оконца темные. Прислушался. В сенях кто-то тихонько всхлипывает. Толкнул дверь, и она открылась. Спросил:

— Кто тут?

И сразу же теплые, сильные руки обвили шею:

— Федя! Родной! Вернулся.

— Чего же ты здесь... на холоду?..

Жена закрыла лицо руками. За нее ответил маленький Ваня:

— Нас дядя Яков... выгнал.

Федор Ксенофонтович сердито дернул за ручку и убедился в том, что дверь заперта изнутри. Сердито постучал кулаком. Услышал злое:

— Убирайся вон, дармоедка! Ступай к своему отцу. Слышишь?

— Слышу, брат мой, слышу! — крикнул Федор Ксенофонтович.

Дверь распахнулась. Пропустив вперед жену и сына, казак вошел в отцовскую хату. Не раздеваясь, сел на лавку, посадил на колени сына, погладил жаркой, дрожащей ладонью озябшие, шершавые детские ноги.

Яков зажег каганец, покачал лохматой головой:

— Вот как нескладно вышло. Твой малый из терпения вывел. Злодеем назвал. Душегубом. Я кормлю их, пою...

— А кто же ты будешь, если жинку с мальчонкой на мороз выгнал. Босыми...

Мокрина Ивановна подошла к мужу, сняла фуражку, сказала ласково:

— Не надо так сердиться, Феденька. Все будет добре. И вы, Яков Ксенофонтович, не поминайте сегодня худое. Ведь праздник у нас...

— Цыц, Мокрина, помолчи! Видать, наплела мужу лишнее. Успела! А ты, Федор, не слушай бабу. Я все выложу, как было. Раздевайся и садись к столу. Сейчас я в шинок схожу, горилки куплю...

— И без горилки горько. Не тяни! Рассказывай...

Яков тяжело опустился на лавку и, нервно потирая темные от ссадин и мозолей руки, стал сбивчиво и сердито перечислять провинности Мокрины Ивановны и шаловливые проделки Степки и Ваньки.

Федор Ксенофонтович слушал молча, и его полнейшее равнодушие ко всему рассказанному так изумило и раздосадовало Якова, что он не выдержал и перешел на крик:

— Ты чего молчишь? Для кого я душу выворачиваю? Ванька хоть глазами зыркает и губы кривит. А ты, как онемел. Ни так и ни этак...

Федор Ксенофонтович поставил сына на пол, неожиданно спросил:

— Для чего ты запруду на ручье смастерил?

— Чтобы купаться можно было. И воду носить не надо для поливки. Она сама пришла в огород. И всех разом напоила...

— Да гони ты его спать! — вмешался Яков. — Тебе что, со мной, с хозяином, и поговорить не о чем?

— Потолкуем, когда в себя придешь. А сегодня прошу запомнить главное: не смей бить моих сыновей и оскорблять жену. Всю свою злость выкладывай мне. Будем жить без ругани и драк.

...Утром Мокрина Ивановна рассказала мужу о том, что в Хмелове и в окрестных селах много пароду «прибрала» какая-то черная оспа.

— А прививку врачи вам сделали? — озабоченно спросил Федор Ксенофонтович.

— Не приезжали...

Склонив голову к правому плечу и заложив руки за спину, Федор Ксенофонтович несколько раз пересек хату, сказал:

— Собери мне что-нибудь поесть в дорогу. Поеду в больницу.

— Что ты, Федя! Только приехал и уже уходишь?

— Надо! Я скоро вернусь!

...В сельской больнице местечка Смелое Федор Федько попросил врача:

— Сделайте мне, пожалуйста, прививку против оспы.

Внимательно следя за уверенными руками врача, робко заметил:

— А ведь такую операцию, пожалуй, и я смогу устроить. Не могли бы вы дать мне инструмент и лекарство. Я в своем Хмелове сделаю прививки...

— А какое отношение вы имеете к медицине, молодой человек? В Хмелове, как нам известно, более пяти тысяч жителей.

— Я кое-что перенял на военной службе в Петербурге. Помогал в околотке, присматривался. Да и у вас подучусь немножко. Я так прикидываю: одному вам эту окаянную оспу не одолеть. Пока вы до нас доберетесь, все село вымрет...

— Рассуждаете весьма здраво и благородно.

А знаете ли вы, что оспа — болезнь инфекционная? Вы рискуете жизнью.

— Знаю. Помру один, а спасу, может, сотни...

— У вас есть семья?

— Жена и два сына.

— Весьма похвально. В моей многолетней практике это первый случай. С удовольствием расскажу и покажу все, что знаю об эпидемии оспы...

Вернувшись в Хмелов, Федор Федько сделал противооспенную прививку жене и сыновьям Степану и Ивану. Брат Яков вначале покуражился, но, услышав, что в соседнем селе за одну ночь скончались трое, попросил:

— Щипай, хуже не будет.

Надев белую сумку с красным крестом, пошел Федор Ксенофонтович к соседям. Некоторые отказывались, опасаясь, а вдруг рука разболится и кто тогда в поле работать будет. Федор Ксенофонтович, не раздражаясь и не повышая голоса, терпеливо убеждал земляков, показывал, как зажила ранка у маленького Вани. И люди понимали: так надо, так лучше будет. Закончив прививки в Хмелове, лекарь-доброволец пошел в соседнее село.

Черная оспа была побеждена. Земляки прозвали Федора Федько Щепием — от слова «щипать» при прививке.

Федор Ксенофонтович узнал о прозвище от старшего сынишки Степки, который пожаловался, что мальчишки его дразнят: «Щепия сын, Щепия сын».

Федор Ксенофонтович улыбнулся, сказал жене:

— Теперь у нас с тобой две фамилии. Выбирай любую.

Мокрина Ивановна пригладила растрепанные волосы сына:

— И чего расхныкался, хлопчик? Федько на селе

много, а Щепий-то на всех один. Гляди, мизинок и тот над тобой смеется.

Мизинок — Ваня. Он не спеша листает страницы толстой книги, привезенной отцом в солдатском сундучке, и пытливо рассматривает картинки. Есть смешные, есть и страшные. Мальчик еще многого не понимает, а отца спросить боится: очень он устает, уходит из хаты рано утром, а возвращается поздно вечером. Под картинками есть подписи, но прочесть их Ваня еще не может, хоть все буквы уже знает. Выучил за лето. Пас гусей. В саду богатого соседа учительница показывала восьмилетнему сыну хозяина крупные буквы, называла их и просила запомнить. Плетень был редким, и Ваня все хорошо видел и слышал. Обладая хорошей зрительной памятью, он запоминал буквы быстрее невнимательного и ленивого Гриши. Однажды ученик никак не мог назвать букву «к». И Ваня решил помочь: залез на плетень и выразительно зашептал:

— Это «к». Дурень, «к» это. Чуешь?

Гриша ничего не чуял...

Ваня подался вперед, налег на старый колышек, он хрустнул, и мальчик упал в сад.

Учительница строго спросила:

— Что тебе нужно, мальчик?

— Ничего. Я так, нечаянно прыгнул. Тоже маленько учусь,— густо краснея, ответил Ваня.— Вон там, за плетнем...

— А сколько тебе лет?

— Пятый год. Вы показывали Грицко букву «к».

— Верно! А вот эту знаешь?

— А это «л».

Учительница показала еще несколько букв, и Ваня безошибочно назвал их.

— Молодец! А как тебя зовут?

— Иван Федорович Федько.

— А я — Лидия Константиновна. Приходи, Ваня, ко мне. Я тебе и цифры покажу.

— Спасибо, Лидия Константиновна! — обрадовался Ваня, ловко перелез через плетень и побежал собирать гусей.

Нечаянную радость пригасил Грицко. Неслышно подошел и сильно ударил по лицу. Ваня упал. Крикнул:

— За что?

— Не лезь в чужой сад. Не выхваляйся...

Ваня вскочил, схватил хворостину:

— Уходи, дылда. Такую простую букву не мог запомнить. Хлюпалка!

— Еще получишь,— пообещал Хлюпалка, пятясь к своему дому.— Рвань голопузая...

3

...Идут годы. Растет семья. И Ваня становится нянькой. Степа считается уже взрослым и работает в поле вместе с родителями. А Ваня остается дома и старательно забавляет капризного, болезненного Гришутку: терпеливо строит домики и крепости, лепит из глины и вырезает из корней деревьев веселые игрушки. Друзья-ровесники свистят у «федьковского кутка», зовут на бурливый ручей. Там хорошо: можно искупаться, половить жуков-плавунцов, в кустах полакомиться ягодами. Ваня молчит, как будто и не слышит сверстников. Мама каждое утро напоминает: «От хаты не отходи. Гришу одного не оставляй. Дите глупое». Ване скучно и обидно, хочется, чтобы поскорее прошло лето. После обмолота до самой весны мама будет дома.

...Все неожиданно и резко изменилось осенью 1904 года.

Федор Ксенофонтович пришел домой вечером хмурый, чем-то очень недовольный. Походил по хате, склонив голову к правому плечу и заложив руки за спину, и приказал сыновьям:

— Спать, хлопцы, спать!

Ваня быстро разделся и залез под теплое одеяло. А заснуть не мог. Ожидал, что скажет отец матери. В хате тихо, слышно, как сопит каганец, скупо освещающая стол и скамью. Отец долго сидел молча, подпирев ладонью скулу.

Мать не вытерпела, тревожно спросила:

— Ты что, Федя, занедужил?

— Здоров. Долго я думал и решил уехать в Бес-сарабию, в Бричаны. Там у меня живет дружок, вместе служили.

— Как это уехать? А хата? А земля?

— Свое, лишнее — продадим. А хата и земля останутся Якову. Я уже с ним говорил. Он обещал дать денег на дорогу.

Мать не могла поверить:

— Неужели ты сам такое худое дело придумал? Ведь мы здесь родились и выросли. Здесь все свое... Там все чужое...

— Ничего у нас своего, кроме нужды и горя, нет. Все лето работаем, а хлеба до весны не хватает. Обносились. Купить ничего не можем.

И тогда мать стала умолять отца остаться в Хмелове, среди близких и добрых людей.

Отец махнул рукой:

— Уедем! Хуже не будет. Не бывает хуже. Как только устроюсь на завод, вас всех заберу.

Мать горько заплакала, прикрывая рот дрожащей рукой.

От тонкого робкого огня лицо отца казалось таким же белым, как и стены хаты...

Ваня залился на отца: мать плачет, а он хоть бы слово сказал жалостное, чтобы успокоить, утешить ее. И смотреть на нее не хочет.

Отец встал, надел шапку, накинул на плечи пальто, оглянулся:

— Не надо, Ивановна. Хлопцев разбудишь, расстрожишь. Мне тоже тяжело. А видишь — терплю. Пойду, кое с кем прощусь.

Толкнул дверь плечом и не спеша перешагнул через порог...

4

...Семья Федора Федько переехала в город Бельцы.

После долгих поисков свободного места Федору Ксенофонтовичу удалось устроиться на казенный водочный склад. На окраине городка снял в глинобитном домишке небольшую комнатку. Мокрина Ивановна все вымыла, прибрала, побелила потолок и печку. Повесила чистые, своими руками вышитые занавески. Стало светло и уютно. Старших сыновей, пришедших из школы, встретила доброй улыбкой:

— Подивитесь — и у чужих людей жить можно. Свой угол.

Угол потеряли совершенно неожиданно.

Федор Ксенофонтович вернулся необычно рано — в полдень. Дрожащие пальцы долго не могли расстегнуть пуговицы. Снял пиджак и не повесил, а бросил на старый сосновый сундук. И заходил по комнатке, от окна к двери, заложив руки за спину и склонив голову.

Чуя большое горе, Мокрина Ивановна молча смотрела на мужа. Ваня не вытерпел, сложил учебники, подошел к отцу:

— Что с вами, папа? Кто-нибудь... обидел?

Отец поморщился, сел на самодельную табуретку, вытер пот на бледном лице, усмехнулся:

— Скажет тоже — обидел. Меня уволили с работы.

— Как это? За что?

— За правду. За горькую правду.

— Разве за это увольняют? Ведь вы говорили нам: «Самая горькая правда лучше самой сладкой лжи. Всегда держитесь правды, хлопцы».

— Ишь ты, запомнил. Молодец, Иван Федорович. Видишь ли, как все нескладно и неладно получилось. Захворал у нас один хороший рабочий. Примерно в моих летах. И семья такая же, как у меня. Сам восьмой. А управляющий взял и сократил его...

— Как это — сократил?

— Уволил, значит. Жинка его приходила, с грудным дитем, просила, плакала. Прогнали ее. Я подумал-подумал и решил: надо помочь, свой ведь человек. В получку обошел всех наших и попросил пожертвовать больному кто сколько может. Народ у нас добрый, кто пятак, а кто и гривенник положил в шапку. Клади и говорили, что управляющий — форменный душегуб, живым, можно сказать, хоронит... Ну и я тоже не удержался, высказал все, что думал. А среди нас нашлась подлая душонка — выложила управляющему весь разговор. Тот меня вызвал в контору и учинил допрос. Спрашивает: «Это вы изволили назвать меня душегубом, который в гроб живыми людей загоняет?» Ну что тут делать? Отказаться — будет выпытывать, кто же это сказал. Многие пострададут...

— И ты все взял на себя,— догадалась Мокрина Ивановна.

— Вот-вот. Взял все на себя. И тогда управляющий показал на дверь: «Ступай, хамская морда, и чтоб духу твоего не было...» И сразу же расчет выдали. Возьми гроши, Ивановна...

Ваня видел, как большая, покрытая трещинками и морщинами рука матери бессильно опустилась на горсточку коричневатых и белых монеток.

— Не убивайся, Федя, не убивайся. Свет не без добрых людей. Садитесь за стол, я гарный борщ сварила...

Вечером в хату пришел столяр Иван Кириллович Лысенко. Со всеми поздоровался, осведомился о здоровье и, опускаясь на скамейку, притянул к себе Степу.

— Ну, как учишься, парень?

— Понемножку. Как и все.

— Бывает и попадает... по заливку?

— Бывает,— сознался Степа.— И на кукурузу ставят, и за волосы таскают.

— Я так и знал. Вот что, Федор Ксенофонович, отдай мне старшего в ученики. Столярное ремесло — оно надежное. Положу я ему целковый в неделю и харчишки мои. Все тебе будет легче тянуть такую ораву.

Федор Ксенофонович сердито покрутил усы, сказал глухо:

— Учиться надо. Ведь это на всю жизнь.

— Учиться никогда не поздно. Постоит за верстаком — поумнеет. Ты меня знаешь...

— Знаю, что плохого ничего не приобретет. А как ты сам-то, Степан, думаешь?

Степа сказал угрюмо:

— Пустите к дяде Ване. Жить-то надо...

— Верно, Степа, жить надо. А вот тужить, Федор Ксенофонтович, нельзя. Я-то понимаю, что у тебя в душе творится. Здесь найти работу трудно. Может, и не найдешь. Так мы поможем. Ты собирал — и для тебя соберем. Дело рабочее известное — один за всех и все за одного. Иначе нам и не прожить...

Он сказал сущую правду, столяр-краснодеревщик Иван Лысенко. После долгих поисков работы Федор Федько вынужден был переехать в город Комрат. И здесь с большим трудом удалось устроиться на службу. Сняли комнатку на окраине города. Мокрина Ивановна старалась помочь мужу — брала у соседей в стирку белье.

Ваня видел, как скупое и строго ведет хозяйство мама, копейки лишней не истратит и все-таки не может «растянуть гроши» до получки. Решил, что и ему надо подыскать какую-нибудь работу, будут платить двадцать копеек в день, и то деньги. Сказал об этом отцу. Федор Ксенофонтович нахмурился:

— Успеешь. Хватишь этого счастья полной мерой. А сейчас набирайся ума-разума. Я заходил в школу — тобой там довольны. Говорят, что ты способный мальчик. Вот что я тебе скажу: окончишь с отличием, пойдешь учиться дальше...

— Постараюсь, — тихо пообещал Ваня.

И с этого дня стал заниматься еще лучше. Возвратившись из школы, сразу же садился за уроки. Закончив домашние задания, спрашивал мать:

— Что надо сделать? Куда сходить, мама?

Поручений было немного. Ваня быстро с ними справлялся и брал книгу. Читал, пока глаза различали строчки. Мать лампу зажигала редко, берегла керосин. И Ваня всегда радовался светлым лунным ночам. Можно положить книгу на подоконник и не отрываться от нее до полуночи...

В 1908 году Ваня окончил народную школу. Отец устроил сына в реальное училище. Ваня радовал родителей — был первым учеником в классе.

Все оборвалось внезапно: Федора Федько уволили с работы, как неблагонадежного.

Никогда еще не видел Ваня отца таким угрюмым и молчаливым. Широкие плечи его бессильно обвисли, словно их придавила непереносимо тяжкая ноша. Мать сидела у стола, наглухо закрыв лицо ладонями. Ее спина часто вздрагивала. Тихонько плакал маленький болезненный Илюша, но на него никто не обращал внимания.

Ваня долго смотрел на отца, не зная, как успокоить самого близкого и дорогого человека. Наконец решился:

— Папа, я пойду работать. Буду столяром, как Степа.

Отец поднял голову:

— Какой ты работник. Пока я жив, будешь учиться. После пасхи поеду в Кишинев. Город большой, найду какое-нибудь дело. И Степу возьму.

Так и сделал. Договорился со знакомым извозчиком и со Степаном выехал в Кишинев.

Прощаясь с Ваней, наказал:

— Как только сдашь экзамены, поможешь матери собраться в дорогу. Куда ехать — напишу.

Вестей долго не было. В середине мая пришло письмо от Степы. Ваня вскрыл конверт, прочел первые строки и торопливо вышел из комнаты. Боялся, что мать по его лицу угадает о новом горе, свалившемся на их семью. Мама так много пережила, у нее больное, слабое сердце.

Степан сообщал о том, что по дороге на повозку, в которой ехал отец, напали волки. Напуганные лошади помчались и с разгона рухнули в ров. Отец упал

и сломал правую руку и ключицу. Письмо заканчивалось словами: «Приезжайте все в Кишинев. Как-нибудь перебьемся».

Ваня скрыл от матери правду. Отец поправится — тогда можно обо всем рассказать.

В народе говорят: «Одна беда семь бед приводит». После лечения у знахарки умер младшенький — Илюша. У матери в городе вытащили последние двадцать пять рублей. Помогли соседи. Прошли по знакомым, собрали деньги для семьи Федько.

В эти тяжелые дни мать свалилась в постель. Ваня ухаживал за больной, выполнял всю домашнюю работу, присматривал за братьями. И в то же время готовился к экзаменам. Все пять экзаменов сдал хорошо и перевез семью в Кишинев.

С формой реалиста пришлось проститься и поступить в ремесленное училище при городской управе. Не по годам рослый, Ваня Федько довольно быстро освоил нелегкое столярное ремесло. Порадовал мать, сделав стулья, шкафчики для посуды и для книг. Отец болел. Нужно было зарабатывать на хлеб-соль, и Ваня стал мастерить мебель для соседей. В свободные часы учился — надеялся со временем сдать экстерном за гимназию и поступить в университет.

Юношеские мечты оборвала война.

Старшего брата Степана призвали на Черноморский флот. Провожали всей семьей. Мать не отходила от новобранца, плакала.

— Пиши, Степушка, пиши почаще, родной мой...

Степан неловко успокаивал мать, старался быть веселым, но глаза были грустными, лицо необычно бледным. Часто посматривал на вокзальные часы. И когда поезд тронулся, мать побежала за ним, вытянув дрожащие крупные руки. Ваня догнал мать, обнял за плечи:

— Не надо... Успокойся. Все будет хорошо. Степан вернется.

— Вернется ли? — всхлипнула мать. — И тебя скоро возьмут. Для того ли я вас растила...

— Не возьмут. Годик-другой еще поработаю на мебельной фабрике.

— Дай бог. Только что-то не верится. Забреют и тебя.

Домой шли молча, словно с кладбища.

...Мать не ошиблась. Ивана Федько призвали в армию досрочно — 31 декабря 1915 года.

5

Солдатскую службу Иван Федько начинал в Бендерской крепости, а затем был переведен в 42-й пехотный запасной полк, расквартированный в Белых Казармах города Тирасполя.

В роте Иван Федько выделялся ростом, силой, выносливостью и был самым грамотным среди товарищей. Изо дня в день его учили бить прикладом и колоть штыком, брать ровную мушку, прицеливаться и плавно спускать курок. На неровной каменистой поляне новобранцы совершали перебежки от одной стрелковой позиции к другой, переползали «простреливаемое пространство» по-пластунски. Взводный, с Георгиевским крестом на гимнастерке, строго напоминал отупевшим от усталости солдатам:

— Падай камнем и откатывайся в сторону. Немец не успеет взять на прицел.

И падали камнем на камни...

Строевую подготовку проходили на утоптанной гулкой площади у крепостной церкви. Ротный обладал могучим басом, и команды его громко разносились по тихим улочкам.

Ротному очень хотелось удержаться в спокойном запасном полку, и он усердно выслуживался перед старшими начальниками, за малейшие провинности сурово наказывал подчиненных. Иван Федько часто видел и слышал, как штабс-капитан вызывал из строя солдата и глушил его громовым басом:

— И на что ты способен, мерзавец? Только жрать и спать! Вот и вся твоя доблесть, чучело огородное. Под ружье, на час, марш, скотина!..

Подвергались столь незаслуженно суровой пытке неграмотные, плохо понимающие русский язык, запуганные молдаване.

Иван Федько не ошибался, на него не кричали, ему не угрожали, но он всегда испытывал острую боль и ненависть, видя, как безудержно, дико попирается человеческое достоинство. И вечерами он терпеливо объяснял товарищам, как устроена винтовка и как называются ее части, показывал, как следует выполнять ружейные приемы, подходить и докладывать командиру. Как-то на тайно занимающихся набрел фельдфебель. Строго осмотрел оробевших новобранцев, сердито спросил Федько:

— Кто тебе разрешил?

Федько принял стойку «смирно» и, не теряя достоинства, ответил:

— По своему усмотрению. Помогаю землякам...

— Ишь ты, какой шустрый! Умнее офицеров хочешь быть? Да? Они стараются, учат, а ты вроде бы переучиваешь на свой манер. Тоже мне нашелся начальник хохлацкой породы. На все должен быть порядок. Солдат ты исправный, форму соблюдаешь, а посему на первый раз прощаю. Вот так, а сейчас ступай в свой угол и свисти в две ноздри до подъема. Вот так...

Федько по-уставному повернулся и пошагал к

тощей койке. Лег. Долго не мог унять злой обиды. Ведь намерение-то было самое похвальное, благороднейшее — научить товарищей, избавить их от наказаний. Какое-то дикое глумление: «начальник хохлацкой породы». Жуткая жизнь! Как дешево ценится человек. А на передовых позициях будет еще труднее, еще хуже. Убьют или покалечат.

Утром Ивана Федько вызвали в канцелярию полка. Со щемящей грустью подумал: собирают роту на фронт.

Знакомый старший писарь сообщил:

— Пришла бумага — укомплектовать команду из грамотных и способных солдат и направить в 1-й пулеметный запасной полк. Командир роты сразу назвал твою фамилию. Собирайся...

15 апреля 1916 года рядовой Иван Федько прибыл в городок Ораниенбаум, что под Петроградом.

Началась совершенно новая, удивительная, волнующая сердце жизнь. Рядом был рабочий Питер. Он бастовал, требовал, боролся. В апреле и мае стачечная волна прокатилась по всем фабрикам и заводам столицы. В предмайские и майские дни пулеметная рота, в которой служил Федько, выезжала на Выборгскую сторону. Патрулировали по улицам, переполненным суровыми, смелыми, готовыми к последним решительным боям рабочими.

Возвращались поздно вечером. Федько сунул руку в карман шинели и нащупал сложенный пополам листок. Насторожился. Что это? Кажется, ничего в карман не клал. Значит, кто-то подсунул. Должно быть, когда проходили сквозь толпу рабочих.

Листок вытащил в казарме, когда рядом никого не было. Увидел сверху: «Российская социал-демократическая рабочая партия. Пролетарии всех стран, соединяйтесь! Первое мая!» — и торопливо спрятал

листовку в карман шаровар. Прочел позже, тайком. Трижды. Поразила сила и смелость большевистской листовки. И предельно ясными, доходчивыми были ее призывы:

«Мощный клич: Долой войну! Да здравствует братство народов! Да здравствует гражданская война! — раздастся на всех митингах в день 1 Мая, будет вынесен на улицу революционными демонстрациями, пронесется по всей стране, и, властно провозгласив свою волю, российский революционный пролетариат призовет все живые силы страны на последнюю решительную борьбу с романовской монархией за освобождение народа, за раскрепощение страны».

Не сразу решил, что делать с прокламацией. Держать — опасно, а порвать — жалко. Не поднимается рука на такую откровенную и беспощадную правду. Она всем нужна. И Федько незаметно вложил листовку в карман шинели соседа. Через неделю она снова вернулась к нему — измятая, насквозь протертая на сгибах, но еще живая, зовущая к великой борьбе...

Федько подклеил листовку папиросной бумагой и пустил по кругу во второй взвод...

Станковый пулемет «максим» пришелся по душе Ивану Федько. Он хорошо усвоил боевые качества оружия, а материальную часть изучил в совершенстве — мог разбирать и собирать замок с завязанными глазами. И командир хвалил: ведь придется вести огонь не только днем, но и ночью, и в темноте на ощупь устранять возникшие неисправности. На поверочных боевых стрельбах Иван Федько поразил все цели, был отмечен 9 июля 1916 года в приказе и произведен в ефрейторы.

Учеба кончилась. В Галиции велись ожесточеннейшие бои, вошедшие в историю под названием

«Брусиловского прорыва». Туда и послали «на пополнение» ефрейтора Ивана Федько. 20 июля его зачислили в 420-й Сердобский пехотный полк.

...Линия огня. Первая атака. Тяжелые снаряды, потрясающие землю. Густая, нетающая завеса пыли и дыма, затмившая солнечный свет. Непрерывный грохот и свист, прижимающие тело к вздрагивающему окопу. Где-то близко надрывно кричит командир:

— В атаку! Вперед!

И совсем рядом громко повторяет отдаленный:

— Вперед! Вперед!

Иван Федько понимает, что это ему приказывают, но тело не повинует, не может оторваться от укрытия, так надежно защищающего от пуль и осколков. Земляк, Филипп Корсун, толкнул в бок, попросил:

— Пошли, Ваня, надо! — и Федько поднялся и, низко пригибаясь, побежал по изрытой, опаленной, гарью пахнувшей земле. Споткнулся... Увидел у ног товарища. Хотел спросить: «Ты что, Костя? Вставай!», но, увидев рассеченное осколком лицо, понял, что он уже никогда не встанет. И винтовка заходила в руках, как живая. Нырнул в глубокую воронку. Смахнул ладонью пот со лба. Услышал слева неотвратимо надвигающееся хрипловатое «ура!», и стало легче на сердце, немножко улеглось волнение. Федько встал и побежал к неприятельской траншее. Увидел колючую проволоку и повисших на ней солдат. Прошел по мертвым. Прыгнул в стрелковую ячейку. Столкнулся с худощавым, серым от пыли австрийцем, поднимающим тяжелый, слепяще белый приклад. Отпрянул назад и, как на занятиях в Тираспольской крепости, сделал выпад «коротким коли!». Австриец пробормотал что-то непонятное, двумя ладонями зажал рану и сполз на дно траншеи. Его крупные, поцара-

паннные руки стали багрово-красными. И почему-то запомнились только эти дрожащие, судорожно удерживающие уходящую жизнь руки...

Вечером в третьей, отвоеванной у неприятеля траншее хмурый фельдфебель по списку проверял оставшихся в строю рядовых. Утомленные, серые от пыли, еще не пришедшие в себя солдаты угрюмо отвечали за товарищей:

— Ранен... Разорвало... Где-то пропал...

И стоящий на правом фланге Иван Федько невольно подумал, что и на той, притихшей, стороне фельдфебель вот так же хмуρο выверяет, сколько солдат осталось в живых, и кто-то отвечает за того самого, заколотого штыком: «Убит». Пройдет неделя, и там, в Австрии, какая-то женщина получит официальную бумагу, извещающую, что ее муж «пал смертью храбрых», и долго будет рыдать и проклинать убийцу ее любимого... Проклинать русского солдата — значит его, Ивана Федько. И только теперь стали очень понятными и крайне необходимыми призывные слова питерской первомайской листовки: «Да здравствует братство народов!» Братство, уничтожающее всех, кто затеял эту мировую бойню.

После атаки роту свели в один взвод. Осколки снаряда вычеркнули из списков пулеметный расчет. Командир роты назначил Ивана Федько первым номером станкового пулемета «максим».

Отдохнуть не довелось. В наступившей густой тьме ефрейтор Федько на ощупь проверил, исправны ли механизмы, вычистил, смазал и, собрав, поставил на место замок. Наполнил кожух водой. И хотя очень хотелось спать, оборудовал вместе с товарищами запасную огневую позицию. И уснули на ней. Разбуждали взрывы снарядов. От одной стрелковой ячейки

к другой понеслась команда — подготовиться к отражению атаки неприятеля.

Стремясь вернуть утраченные ключевые позиции на Владимиро-Волынском направлении, противник ввел резервные части. В атаку шли густыми цепями. Иван Федько слышал: и слева и справа бойцы ведут огонь, но стреляющих в траншеях мало и остановить наступающих они не могут. Номерной, молодой солдат Кайдаш, ткнул локтем в бок Федько:

— Начинай! Не успеем...

— Не мешай! Пусть подойдут на прямой выстрел.

В Ораниенбауме, в пулеметной роте, Федько часто слышал наставление: «Наибольший урон атакующему противнику наносит прямой выстрел — с 500 шагов». И сейчас он безошибочно определил этот рубеж и открыл огонь с рассеиванием по фронту. Убедился, что прицел взят правильный, — цепь заметно поредела. Не заметил, как пулемет проглотил ленту. И вторую... А когда вставляли третью, за спиной рванул земляной снаряд. Осколок сразил подносчика патронов. Федько и Кайдаш сменили позицию. Наводчик повел огонь короткими очередями...

За день отбили четыре атаки.

Раненый командир роты, обходя траншею, пожал руку Ивану Федько, хрипловато сказал:

— Вы хорошо знаете свое дело. Благодарю за службу.

...Три месяца и восемнадцать дней был на линии огня ефрейтор Федько. Неожиданно вызвали в штаб полка. Полковник принял не по чину уважительно, поинтересовался родителями, образованием, наградами. Слушал внимательно, любясь загорелым, мужественным лицом ефрейтора. Что-то написал на листке бумаги, сказал:

— Нам очень нужны опытные пулеметчики, но

еще в большей мере мы нуждаемся в смелых, побывавших на позициях офицерах. Получите звание прапорщика — возвращайтесь в полк. Желаю успехов.

9 ноября 1916 года ефрейтор Иван Федорович Федько выбыл в распоряжение начальника штаба Киевского военного округа для зачисления в школу подготовки прапорщиков пехоты.

6

...Два с половиной месяца Иван Федько занимался в подготовительной команде, а затем был направлен в 4-ю Киевскую школу прапорщиков.

Юнкеров строго предупредили, что всю программу обучения предстоит пройти в короткий срок — в четыре месяца, а посему надлежит проявить похвальную дисциплинированность и предельное упорство. Неудачающие будут отчислены и направлены в действующую армию.

Иван Федько сообщил отцу о том, что сбывается его пожелание — сын получит военное образование. Бывший пулеметчик радовался: под руками большая библиотека, преподаватели опытные, хорошо знающие свое дело. Иван Федько выполняет все учебные задания своевременно и образцово. Во второй роте его заслуженно считают лучшим юнкером.

В первых числах марта 1917 года до Киева долетела радостная весть о свержении самодержавия. Ликующий народ вышел на улицы и площади древнего города. Будущие прапорщики прекратили занятия и влились в ряды демонстрантов.

Иван Федько с глубоким волнением и гордостью любовался идущими впереди рабочими-арсенальцами. Впервые безбоязненно, в полный голос пели они ранее запрещенные революционные песни.

Наступила пора собраний, митингов, демонстраций.

До школы прапорщиков дошел приказ № 1 Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов от 1 марта 1917 года, по которому в армейских частях создавались выборные комитеты, отменялось старорежимное титулование офицеров и устанавливалось новое обращение: отныне и генерал, и прапорщик именовались одинаково — господа.

Иван Федько никак не мог представить, что скоро и его будут называть господином прапорщиком. Какой же он господин? Он с детских лет ненавидел буржуев. Они снова захватили власть. С ними придется вести беспощадную войну — за мир, землю, свободу. К этой борьбе призывают большевистские газеты, которые теперь можно читать без боязни попасть под полевой суд. Об этой борьбе говорят на митингах ораторы, которых называют ленинцами. Иван Федько согласен с их взглядами. Он с нетерпением ждет выпускных экзаменов. Он тоже будет большевиком-ленинцем.

24 июня 1917 года начальник школы подполковник Евдокимов зачитал перед строем юнкеров приказ № 990 по Киевскому военному округу. Среди произведенных в прапорщики Иван Федорович Федько услышал свою фамилию. Через два дня он был назначен в распоряжение начальника штаба Одесского военного округа.

Выпускникам полагался отпуск. Иван Федько поехал к родным, в город Бендеры. На сбереженные во время учебы деньги купил для матери и отца подарки. Долго думал, чем порадовать братьев, и наконец решил отдать все, до последней копейки, матери. Она хорошо знает семейные нужды и сама решит, что нужно приобрести в первую очередь.

1

...В начале июля 1917 года прапорщик Иван Федько прибыл для прохождения службы в 35-й пехотный запасной полк, расквартированный в приморском городе Феодосии. Назначили командиром взвода.

На крымской земле, как и по всей России, проходили митинги, собрания, демонстрации. Меньшевики, эсеры и кадеты красноречиво ратовали за «свободу и счастье всего народа» и с нескрываемым злорадством повторяли клеветнические измышления буржуазных газет о ленинцах и о Ленине. Иван Федько видел, как в городском саду нарядная публика, освистав, чуть было не стащила с трибуны большевика Николая Краснобаева. В тяжелые для Коммунистической партии июльские дни офицер Иван Федько твердо решил примкнуть к преследуемым, объявленным вне закона ленинцам. Еще в детстве переживший бедняцкую нужду и в юности бастовавший и требовавший вместе с друзьями по мебельной фабрике Балабана повышения заработной платы и восьмичасового рабочего дня, он теперь окончательно понял, что только большевики могут покончить с затянувшейся войной, установить мир и дать землю крестьянам, а фабрики и заводы — рабочим.

Иван Федько познакомился с прапорщиком Николаем Михайловичем Демьяненко — организатором большевистской группы — и его другом, тоже прапорщиком, Павлом Филонюком. По их рекомендации Иван Федько вступил в ленинскую партию.

Николай Демьяненко посоветовал:

— Будьте предельно осторожны. Узнает началь-

ство — немедленно пошлет на передовые позиции. А вы здесь нужны, товарищ Федько. Разговаривайте с рядовыми с глазу на глаз. Без свидетелей. Придет наше время, и мы заговорим с сотнями, с тысячами...

Большое, наполненное доверием и гордостью слово «товарищ» вдохновляло и обязывало. И на коротких привалах, и на перекурах, и вечерами в казарме Иван Федько беседовал с солдатами своего взвода и роты. Они ничего не скрывали, рассказывали о горе, нужде, потерях, принесенных войной их родным и близким. И Федько доходчиво и задушевно объяснял однополчанам, кто виноват в том, что война продолжается четвертый год, и кому она нужна, и как с ней покончить. Одновременно прапорщик Федько охотно помогал своим подчиненным: писал прошения, хлопотал об отпусках по семейным делам, учил грамоте. И солдаты полюбили офицера с добрым, отзывчивым сердцем. И появились сочувствующие ушедшему в подполье В. И. Ленину.

Непрерывная, доходчивая агитационная работа Ивана Федько и его товарищей-единомышленников подорвала влияние меньшевиков, эсеров и украинских националистов. Маршевые роты отказались выехать на Южный фронт, где Временное правительство организовывало новое наступление.

После разгрома корниловского мятежа Федько выступал не только в полку, но и в городе. Со временем он стал самым популярным, самым уважаемым офицером в 35-м пехотном полку. После Октябрьской революции солдаты-запасники выбрали Ивана Федоровича Федько командиром батальона.

Партийный комитет Феодосии поручил Ивану Федько организацию отряда Красной гвардии. Задача оказалась сложным и трудным. Заводы стояли,

работал только порт. Солдаты не хотели больше служить и разъезжались по домам.

А в это время на благодатные берега Крыма стекались люто ненавидящие Советскую власть бывшие царские офицеры. В Симферополе капитан Орлов сколотил офицерский батальон.

Вернулись с фронта прославившиеся жестокостью и верноподданническими чувствами татарские эскадроны Крымского конного полка.

Татарское национальное собрание — Курултай, руководимое ярими буржуазными националистами Челебиджаном Челебиевым и Джафером Сейдаметом, создало штаб крымских войск. Начальник штаба полковник Макухин сформировал из татар-пехотинцев полк «Уриэт».

Большевистские силы Крыма возглавил Севастопольский военно-революционный комитет. Накануне нового года председатель ревкома Юрий Петрович Гавен (Ян Дауман) вызвал к себе начальника Красной гвардии Феодосии Ивана Федько.

Хмурый, усталый, бледный, Юрий Гавен внимательно выслушал краткое сообщение Федько о готовности к боевым действиям отряда и предупредил:

— Эскадронцы и белогвардейцы могут напасть внезапно. Не прозевайте! Держите с нами непрерывную связь.

Федько хотел спросить: «Можно ли рассчитывать на поддержку моряков?», но подал голос телефон, и Гавен торопливо снял трубку. Сдвинулись у переносья густые брови, на скуластом лице появился багровый румянец.

— Спокойно, спокойно! Сейчас выезжаю, — сердито сказал Гавен и, повесив трубку, взял стоявшие у стола костыли.

У двери оглянулся.

— Спешите в Феодосию. Организуйте еще один отряд...

В голосе предревкома Федько уловил тревогу. Нельзя ни минуты задерживаться.

Федько вышел из Чесменского дворца, когда Га-вен, морщась от боли, влезал в машину. Гулко стукнули о дверцу костыли.

С глубочайшим уважением и гордостью Федько подумал: «Какой железной воли человек. Шесть лет мучился на каторге. От кандалов на ногах появились язвы, нажил хронический ревматизм. Ему бы в больнице лежать, лечиться, а он не знает покоя ни днем ни ночью. Вот они какие, большевики-ленинцы, профессиональные революционеры».

Возвратившись в Феодосию, Иван Федько вместе с товарищами занялся подготовкой вооруженного выступления против белогвардейцев и эскадронцев.

События развивались стремительно.

30 декабря состоялось партийное собрание, на котором был принят план боевых операций. Иван Федько предложил провести во дворе запасного полка общегородской митинг. На вопрос: «А почему у запасников?» — он ответил довольно убедительно:

— Среди солдат много сочувствующих Советской власти, а главное — рядом оружейный склад. Если народ нас поддержит, мы сразу же выдадим товарищам оружие.

Все согласились с предложением Федько. Митинг наметили на понедельник, 2 января 1918 года.

Во двор запасного полка пришли железнодорожники станции Сарыголь, портовики, рабочие табачной фабрики и мукомольни.

Первым выступил Иван Федько. Он рассказал о том, как победила Октябрьская революция в Петрограде и Москве, как устанавливалась Советская

власть в городах и селах Украины и Крыма. С горечью и гневом Федько заявил:

— У нас в Совете засели меньшевики и эсеры, а в городской управе, как в царские времена, правят местные буржуи; их охраняют эскадронцы и белогвардейцы. Товарищи, мы должны взять власть...

В это время к оратору протолкался связист Томаш Селямон и сообщил:

— Худо дело, товарищ Федько! Полковой адъютант позвонил в постоянный двор, зовет сюда конницу. Своими ушами слышал...

Федько поднял руку и, напрягая голос, произнес:

— Товарищи! Эскадронцы хотят разогнать наш митинг. Встретим их огнем. К оружию, друзья!

— В арсенал!

— Ломай двери! — раздались голоса.

Солдаты Григорий Скрипниченко, Антон Башкатов и Томаш Селямон сбили запоры с железных ворот. Рабочие хлынули в склад. Из рук в руки передавали винтовки и патроны.

Матрос Лысак выкатил во двор станковый пулемет.

Федько слышал тревожный цокот копыт. К казарме подскакали эскадронцы. У ворот стоял на посту грузчик Пименов. У него не было оружия, но он не испугался разъяренных всадников.

— Назад! — крикнул он. — Вас не звали!

Сильной рукой грузчик сорвал с седла наезжавшего на него эскадронца.

Две сабли опустились на Пименова. Постовой упал. Эскадронцы распахнули тяжелые ворота.

— Огонь! — скомандовал Федько.

И все, кто успел взять и зарядить винтовки, открыли стрельбу по атакующим.

Всадники отхлынули от ворот, рассыпались по улице, окружили казарму. В переполненный людьми двор полетели пули.

Рядом с Федько застонал раненый железнодорожник:

— Зацепила, окаянная... Попались в самый капкан...

Матрос Петр Грудачев спросил, не скрывая тревоги:

— Что будем делать?

Федько крепко потер ладони, сказал уверенно:

— Соберите солдат. Стреляйте в упор, пробивайтесь на улицу. А взвод Ивана Котова я пошлю через забор в обход...

Еще никаких взводов не было, но Федько понимал, что из толпы надо немедленно организовать маленькие отряды и отбросить обнаглевших эскадронцев. Не обороняться, а наступать.

Ударив с двух сторон, красногвардейцы отогнали конников от казармы. Обрадованные первым успехом бойцы отряда двинулись вперед по Итальянской и Екатерининской улицам. Эскадронцы, отстреливаясь, отступали к Белому бассейну и даче Голицына. Здесь им удалось задержать сводный отряд.

Иван Федько приказал занять круговую оборону, а сам поспешил на почтамт. Опасался, что белогвардейцы и эскадронцы подтянут свежие силы и разобьют красногвардейцев. Он направил в Севастопольский ревком телеграмму, в которой сообщил о мятеже эскадронцев и попросил прислать на поддержку сводного отряда моряков-черноморцев.

Выходя с почты, Федько услышал ружейно-пулеметную стрельбу и побежал к отряду. Его встретил Петр Грудачев и доложил о том, что эскадронцы пытались прорваться на главную, Итальянскую, улицу,

Семья Федько: мать Мокрина Ивановна, отец Федор Ксенофонтович (в центре) и сыновья Петр (сидит), Иван, Сергей, Григорий, Василий.

Иван Федько —
ученик Кишиневского
ремесленного
училища.

Начальник сводной дивизии П. Е. Дыбенко и командир 187-й бригады И. Ф. Федько на Кронштадтском фронте. 16 марта 1921 года.

Командир корпуса И. Ф. Федько среди работников штаба. 1926 год.

На первом майском параде в Ленинграде. Слева направо: О. А. Сааков, И. Ф. Федько, М. Н. Тухачевский, С. М. Киров. 1929 год.

Представитель Реввоенсовета СССР И. Ф. Федько (первый справа) и председатель Правительственной комиссии по обследованию Дальнего Востока А. В. Шотман беседуют с пограничниками. Петропавловск-на-Камчатке, 1929 год.

Герои гражданской войны Иван Фёдко (первый слева), Иван Максимов, Иван Кутяков и Иван Раудмец на отдыхе в Сочи.

Командиры и бойцы Красной Армии, получившие ордена и медали 27 февраля 1938 года, в Кремле. В первом ряду (слева направо): Маршал Советского Союза В. К. Блюхер, Председатель Президиума Верховного Совета СССР М. И. Калинин, командарм 1-го ранга И. Ф. Фёдко и секретарь Президиума Верховного Совета СССР А. Ф. Горкин.

но их вовремя встретили огнем, и особенно отличился пулеметчик Александр Данильченко.

— А домой никто не ушел? — спросил Федько.

— Вроде все на якоре. Есть, конечно, хотят, а ничего — терпят. Только спрашивают, а где штаб, куда обратиться по личному делу.

— Штаб создадим... Незамедлительно.

И в тот же день большевики Феодосии организовали Военно-революционный комитет и штаб Красной гвардии. Начальником штаба избрали Ивана Федько.

Наступила тревожная ночь. Кто-то распустил провокационный слух, что к эскадронцам прибыло подкрепление из Джанкоя в несколько тысяч человек. В сводном отряде нашлись малодушные. Они оставили позиции. В штаб явился рабочий Михаил Добрицкий и сообщил о том, что на Армянской улице вооруженные бандиты ограбили магазин. И со станции Сарыголь пришла тяжелая весть: эскадронцы пытаются прорваться в Феодосию по железной дороге.

Федько задумался. Отряд небольшой, с позиций нельзя снять ни одного бойца. Эскадронцы могут нащупать оголенный участок и ворваться в город. И все-таки придется выделить хотя бы десятка два красногвардейцев для охраны порядка на улицах и борьбы с бандитами. Приняв это решение, Федько приказал Грудачеву назначить патрульными лучших рабочих. Затем начальник штаба связался со своим другом Николаем Краснобаевым и попросил его немедленно поднять по тревоге рабочих Сарыгольского депо, послать их на поезде за Владиславовку и разобрать железнодорожный путь.

На рассвете Федько решил проверить, как несут службу боевые дозоры, и на лошади выехал на

позиции В это время эскадронцы бросились в атаку с Лысой горы, сосредоточив все свои силы на узком участке. Федько разгадал замысел противника и стянул против атакующих четыре станковых пулемета. Эскадронцы натолкнулись на внезапный кинжальный огонь и откатились назад.

Весь день 3 января сводный революционный отряд отражал атаки эскадронцев. Кончались боеприпасы. Федько приказал беречь патроны, вести только прицельный огонь.

4 января в Феодосийский порт прибыл посланный председателем Севастопольского ревкома Юрием Гавеном миноносец «Пронзительный». Отряд матросов возглавлял человек исключительной отваги и мужества — Алексей Васильевич Мокроусов.

Федько обрадовался: теперь можно не только обороняться, но и наступать. Встретив Мокроусова, прежде всего поинтересовался:

— Патроны привезли?

— На свой отряд запасец имеем. Можем поделиться...

— Да вы что, к теще на блины приехали? Воевать придется долго. У нас винтовки русские, французские и австрийские. Нужно немедленно запросить к ним патроны. Хорошо бы иметь хотя бы одну пушечку.

— Дело поправимое. Сейчас пошлем телеграмму в Севастопольский ревком.

Мокроусов достал лист бумаги, написал: «Город в руках рабочих. За городом окопалось около 300 эскадронцев. Принимаем меры водворить порядок. Необходимо выслать 25 ящиков русских патронов, 25 французских, 15 австрийских, 1 горную пушку, к ней снаряды, 1 аэроплан».

Передал листок Федько. Тот прочел, улыбнулся:

— Много просите. Столько не получим.

— Чем больше просишь, тем больше получаешь. Это я твердо усвоил. Привезут.

Севастопольский ревком направил в Феодосию еще два миноносца — «Фидониси» и «Калиакрию». Доставили боеприпасы и три легкие морские пушки. Их установили на блиндированной железнодорожной площадке.

Два дня Федько и Мокроусов готовили операцию по разгрому эскадронцев.

Революционные отряды незамеченными подошли к Джанкою и внезапно напали на расположившиеся лагерем вражеские сотни. Сопротивлявшиеся эскадронцы были перебиты, остальные сдались в плен.

Иван Федько радовался первой победе. Маленькая Феодосия помогла Севастополю — разбила крупный вражеский отряд.

Короткая передышка была прервана неожиданным нашествием солдат с Кавказского фронта, направлявшихся в центральные районы России. Феодосия превратилась в огромную ярмарку. Солдаты продавали и обменивали на продукты обмундирование, оружие, патроны. За буханку хлеба можно было купить пулемет. Местные меньшевики, эсеры и белогвардейцы повели среди солдат усиленную антисоветскую агитацию. Враги готовили восстание против Советской власти.

Только что избранный председателем Военно-революционного комитета Иван Федько 16 января послал в Севастополь донесение:

«В Феодосию прибыло 10 000 человек с Кавказского фронта. Настроение в некоторых частях контрреволюционное, благодаря офицерству, которых прибыло 500 человек. Солдаты находятся в первой стадии революции и питают доверие к начальству, какое можно легко разрушить при помощи агитации.

Послана телеграмма в Киевскую Центральную Раду о желании украинизироваться. С нашей стороны ведется агитация. Нуждаемся в агитаторах. Просим выслать таковых, если возможно».

Федько не надеялся, что агитаторы приедут. Время тревожное, все большевики в строю. Надо справиться с силами, послать к солдатам рабочих.

В порту появились алые полотнища: «Да здравствует власть Советов!», «Долой империалистическую войну!», «Да здравствует Ленин!»

Вновь прибывших фронтовиков встречали хлебом-солью. Музыканты играли марши, «Марсельезу», «Интернационал». И повсюду проходили митинги. Агитаторы знакомили солдат с ленинскими декретами о мире, о земле, о создании Красной Армии и призывали организованно сдать оружие, необходимое для защиты социалистического Отечества.

Большевики Феодосии выдержали экзамен — фронтовики 5-го армейского корпуса сдали оружие. Попытки организовать мятеж были ликвидированы.

2

Суровый, грозный февраль 1918 года. Потерявшая боеспособность старая армия расползается по домам. Остался без подчиненных командир батальона Иван Федько. И его неудержимо потянуло к себе, в далекий и близкий город Бендеры, приютивший отца, мать и братьев. Здоровы ли, живы ли они — неизвестно. И от старшего любимого брата Степана давно нет весточки. С трудом подавляя нахлынувшую грусть, стал собирать Иван Федько свое скромное имущество в самодельный чемодан. Дверь распахнулась, в комнату быстро вошел Николай Краснобаев. Поздоровался, удивленно спросил:

— Ты куда это собираешься, мил человек?

— В Бендеры. К родителям. Молчат. Беспокоюсь...

— Весьма сочувствую, но поездку придется отложить. Мы только что получили указание из Севастополя — немедленно приступить к формированию отрядов Красной Армии. На это ответственнейшее и безотлагательное дело Юрий Гавен рекомендует тебя.

Иван Федько, по-отцовски заложив руки за спину и склонив голову к правому плечу, четырежды медленно пересек комнату, сказал, не скрывая горести:

— В Бессарабию вторглись румыны. Сильно опасаюсь за родных.

— А сюда могут вломиться немцы. Советскую власть установили, теперь надо отстоять.

— Надо! Ты иди по своим делам... Я подумаю, с чего начать...

Начал с подбора добровольных помощников, которые вошли в комиссию по формированию Рабоче-Крестьянской Красной Армии.

В Феодосии и в окрестностях появились крупно набранные воззвания:

«Товарищи солдаты, рабочие и крестьяне! Контрреволюция после поражения организовывается и начинает поднимать голову. Наш долг — долг солдат, рабочих и крестьян — задушить в самом корне контрреволюцию.

При штабе Красной гвардии открыта запись добровольцев, желающих стать на защиту Советской власти. Запись производится в комиссии по формированию Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Условия разработаны комиссией.

Комиссар по оформлению Рабоче-Крестьянской
Красной Армии Федько».

И все, кому была близка и дорога Советская власть, пошли добровольно защищать ее от многочисленных врагов.

19 февраля комиссар Федько доложил Севастопольскому военно-революционному комитету:

«...В распоряжении военной комиссии имеется 300 человек Красной гвардии, 50 конных и 4 пулемета. По первому требованию смогут быть отправлены 200 человек и 2 пулемета. На Дон послано в отряд Мокроусова 80 человек. На румынский фронт и Дон в настоящее время отряды формируются, сформировать можно до 500 человек».

Городской комитет партии оказывал постоянную помощь комиссару Федько в создании первых отрядов Красной Армии. Бывший рабочий большевик Иван Кириллович Михалько заботился о вооружении и обмундировании добровольцев. Многие из них впервые взяли в руки винтовку. Их нужно было научить стрелять. Помощником Федько по подбору инструкторов-командиров и организации боевой подготовки стал бывший офицер Николай Демьяненко.

...В середине марта 1918 года австро-германские войска внезапно захватили портовый город Николаев. Возникла непосредственная грозная опасность для Красного Крыма.

По приказу Севастопольского ревкома Иван Федько организовал 1-й Черноморский феодосийский отряд. Удалось обмундировать и вооружить триста шестьдесят бойцов, полностью подобрать командный состав. Черноморцы гордились своим самодельным бронепоездом с четырьмя морскими пушками на платформах.

Заниматься военным делом не удалось — отряд выступил на фронт.

Со станции Снигиревка Федько послал в Николаев

группу разведчиков во главе с уроженцем этого города Иваном Михалько. Выставив полевое охранение и предупредив командиров о соблюдении полнейшей боевой готовности, Федько стал нетерпеливо поджидать своих смельчаков.

...Иван Михалько вернулся в полдень 22 марта. Всматриваясь в потное, утомленное лицо друга, Федько посочувствовал:

— Вижу — досталось тебе, Иван Кириллович. Рассказывай.

Михалько толково доложил о том, как ему удалось связаться с подпольным большевистским комитетом, с Союзом металлистов и Союзом бывших фронтовиков.

— Достигнуто общее согласие о немедленном вооруженном восстании против немцев. Сигнал к выступлению — выстрел с нашего бронепоезда, — подытожил сообщение Михалько.

— Какими силами располагает противник? — спросил Федько.

— Два полка пехоты, два бронепоезда, а вот сколько артиллерии, бронемашин и аэропланов — установить не удалось...

— А что имеет штаб восстания?

— Только рабочие руки. Численность назвать не могу. Надеются на наш отряд.

Федько прищурил глаза, задумался. Он знал, на что способны умелые и твердые рабочие руки. А вот много ли их там, в Николаеве? У всех ли есть оружие? Задание очень трудное. Медлить нельзя. Внезапность — единственное преимущество.

Он поднялся:

— Надеются, говоришь? Сейчас двинемся на станцию Водопой. Сигнальный выстрел услышат оттуда?

— Рукой подать. Услышат.

Весенним громом грянуло орудие бронепоезда. Его раскаты донеслись не только до Слободки, но и ворвались в центр Николаева. Рабочие, моряки пароходов и бывшие фронтовики взялись за оружие. Заводская милиция открыла арсенал и присоединилась к восставшим. Повстанцы окружили штаб немецкого командования в Лондонской гостинице и подошли вплотную к солдатским казармам.

Обо всем этом Федько узнал, когда его отряд, сбивая немецкие заслоны, пробился к почте и телеграфу. Здесь удалось выяснить, что, увлеченные успехом, повстанцы не перерезали телефонную и телеграфную связь и штаб оккупантов успел стянуть отдельные части к центру города, донес в Одессу о восстании и попросил срочно выслать подкрепление.

К семи часам вечера 22 марта повстанцы и черноморцы захватили рабочие окраины, слободские улицы, вокзал и порт. После упорных и смелых атак удалось выбить немцев из флотского экипажа. Захватив радиостанцию, штаб восставших передал в эфир:

«Всем, всем, всем. Повстанцы заняли Николаев...»

Рабочий штаб надеялся, что радиограмма будет принята в Херсоне и Александровске и оттуда немедленно направят воинские части.

Вскоре со стороны Херсона подошло подкрепление, но не к повстанцам, а к немцам. Отряд в пятьсот штыков при входе в город попал под перекрестный огонь заставы бывших фронтовиков и понес большие потери. Немцы залегли и открыли сильную стрельбу из пулеметов и бомбометов.

К Федько, руководившему штурмом Лондонской гостиницы, прибежал один из организаторов восстания — Иван Чигирин:

— Немцы в тылу! Наступают на Слободской район. Что делать? Там наших всего-то сорок человек.

Федько понимал, что нельзя дробить отряд, распылять силы, но и обрекать на гибель товарищей, сдерживающих пятикратно превосходящие силы врага, невозможно. И он приказал Михалько с сотней черноморцев выступить на помощь фронтовикам.

Ослабленными силами не удалось прорвать кольцо вражеских баррикад, опоясавших Лондонскую гостиницу. К ней пробились уцелевшие от разгрома немецкие подразделения. По приказу своего штаба оккупанты открыли по улицам города разрушительный огонь из бомбометов и орудий. Деревянные дома запылали. Пожары некому было тушить: мужчины сражались, женщины и дети помогали им — подносили патроны, воду, пищу.

Бой принял затяжной характер. К утру 23 марта почти весь город был в руках восставших. Однако этот успех не радовал Федько. Мелкие отрядики и группки разбросаны на большой территории, рабочий штаб не может объединить их, чтобы разбить противника в центре, у Лондонской гостиницы. Если бы сейчас прибыл хотя бы один хорошо вооруженный батальон, сопротивление врага было бы окончательно сломлено.

К вечеру из Одессы примчались на грузовых автомобилях резервные немецкие части. Появилась тяжелая артиллерия и самолеты. Опытные летчики хладнокровно и точно сбрасывали бомбы, хороня под обломками зданий жителей. Наводчики орудий били в упор по домам, из которых раздавались выстрелы. Имея десятикратное превосходство, немцы перешли в наступление.

У повстанцев и черноморцев кончились патроны.

Отряд Федько прикрывал отступление красноармейцев и моряков к рабочим окраинам. Отбивались штыками и гранатами. Неравный бой продолжался до рассвета 25 марта...

Федько собрал сводный отряд у бронепоезда, провавшего к Снигиревке. По железнодорожному полотну брели вооруженные люди. Федько приказал Михалько выяснить, какая это часть, откуда пришла и куда направляется.

Михалько явился через полчаса и, с трудом сдерживая ярость, сказал:

— Это отряд Рязанцева. По приказанию главкома Украины Антонова-Овсеенко шли на помощь Николаеву. Да не очень-то спешили. На станции Водопой расположились на обед. А в это время наши люди кровью истекали. Такая силища — восемьсот человек остались в роли посторонних наблюдателей. За эту подлость собственной рукой...

— Подожди, Иван Кириллович, не горячись. Доложим, старшие начальники разберутся. На уроках тактики в киевской школе нам часто говорили: «Бьют кулаком, а не растопыренными пальцами». Сие изречение принадлежит Драгомирову. Генерал знал военное дело. Его наставления и для нас вполне годятся. Мы потерпели поражение потому, что отряды действовали несогласованно. Черноморцы выполнили свой долг. Оккупанты потеряли больше тысячи солдат. Мы задержали их наступление на четыре дня... Сейчас соберем командиров и проведем разбор этой поучительной операции.

1-й Черноморский отряд вел ожесточенные бои под Акимовкой, Сальковом, Джанкоем, Феодосией и Керчью. В эти тяжелые, суровые дни Иван Федько сумел пополнить количество активных штыков. Отряд превратился в 1-й Черноморский революционный

полк, насчитывающий две с половиной тысячи бойцов.

В апреле 1918 года немецкие оккупанты заняли Крым. Одним из последних оставил Керчь и на морских транспортах ушел в Ейский порт 1-й Черноморский революционный полк.

3

...После короткой передышки 1-й Черноморский революционный полк выступил к станции Михайловской, которую занимали белогвардейцы, именовавшие себя «Добровольческой армией».

Бой продолжался два дня. Федько берет патроны. Он сам повел бойцов в решающую штыковую атаку и, отбросив врага, с ходу занял станцию Крыловскую.

22 мая 1918 года Иван Федорович Федько был назначен командующим 3-й колонной войск на Северном Кавказе. Кроме 1-го Черноморского в состав 3-й колонны должны были войти Тимашевский добровольческий, Ейский, Таганрогский, Приморско-Ахтарский полки и бригада Дмитрия Петровича Жлобы.

Было о чем подумать молодому командиру. Еще совсем недавно занимал маленькую должность командира взвода, а сейчас должен командовать дивизией. Бывший прапорщик выдвинут на генеральский пост. И не скажешь: «Не могу, не справлюсь». Должен справиться. Полки разбросаны, заражены партизанщиной, не имеют баз снабжения боеприпасами и продовольствием. Учись управлять крупными войсковыми частями. Наведи дисциплину. Добывай хлеб, патроны и снаряды у неприятеля.

Федько обрадовался, узнав, что его полки отвоевали в станицах и на станциях богатые трофеи. Захватили много хлеба. Не только для себя, но и для

Москвы, и для Питера. Ведь там голодают. Об этом с суровой прямоотой рассказал народу Председатель Совнаркома В. И. Ленин в своем письме «О голоде», напечатанном в «Правде» 24 мая 1918 года. Владимир Ильич призывал питерских рабочих «организовать великий *«крестовый поход»* против спекулянтов хлебом, кулаков, мироедов, дезорганизаторов, взяточников, великий *«крестовый поход»* против нарушителей строжайшего государственного порядка в деле сбора, подвоза и распределения хлеба...»¹.

Иван Федько сформировал на станции Крыловской шесть эшелонов с пшеницей и четыре эшелона с живым скотом. От имени бойцов 3-й колонны Федько написал письмо В. И. Ленину, в котором рассказал о трудных кровопролитных сражениях за власть Советов на Кубани и попросил выслать боеприпасы, обмундирование и медикаменты. Командующий колонной войск заверил Председателя Совета Народных Комиссаров в том, что полки рабочих и крестьян будут стойко и мужественно защищать завоевания Великой Октябрьской революции.

Федько вызвал в штаб комиссара 1-го Черноморского полка Михалько и вручил письмо:

— Постарайся передать лично Владимиру Ильичу. Подбери по своему усмотрению небольшой отряд и самым энергичным образом проталкивай эшелоны в Москву. Жду тебя с хорошими вестями, Иван Кириллович.

— Можешь не сомневаться. Приложим все силы. Дело-то государственной важности.

И эшелоны жизни пошли на Москву...

...Командующий белогвардейской Добровольческой армией генерал Деникин, стремясь перерезать

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 361—362.

железнодорожную линию Царицын — Тихорецкая, во второй половине июня 1918 года двинул офицерские полки на станцию Торговая.

Главнокомандующий войсками Северного Кавказа Карл Иванович Калнин приказал Федько любой ценой удержать железную дорогу на участке Торговая — Тихорецкая.

18 июня Федько с полевым штабом и Черноморским полком приехал на станцию Песчанокопскую. Выяснил, что кадровых частей Красной Армии нет. Песчанокопская обнесена мелкими окопчиками, в которых постоянно дежурят отряды местной самообороны. Отстояв свои часы, бойцы уходят «по домашним делам». С ними не отразишь натиска отборных офицерских полков. Федько доложил главкому Калнину о сложной и трудной обстановке и попросил срочно направить под Песчанокопскую резервные части, расположенные в районе Тихорецкой.

Оставив в штабе своим заместителем Георгия Кочергина, Федько выехал в село Лежанку, чтобы установить связь с отрядом самообороны и проверить, нет ли поблизости противника. В подвижной разведывательный отряд входили пять автомашин «фиат». На каждой закреплены два пулемета «максим».

Под прикрытием пыльной завесы отряд влетел в Лежанку.

Неожиданно по бортам, обитым листовым железом, зацокали пули.

— Огонь! — громко скомандовал Федько.

Десять пулеметов ударили в упор и скосили убежавших на площадь дроздовцев.

— Назад! — приказал Федько.

Сделав круг по площади, машины стали разворачиваться на обратный путь.

Ехавший впереди Федько увидел на дороге повоз-

ки, бочки, ящики, бревна. И стало не по себе: как они быстро устроили баррикады, дьяволы, отрезали все выходы. Вот попали в ловушку! Патронов хватит на десять — пятнадцать минут. Что делать?

Граната взорвалась в машине Федько. Пулеметчики погибли. Мотор заглох. Федько с шофером выскочили из дымящейся машины. Над площадью тоскливо свистели пули. Федько вскочил в кабину второго «фиата», шофер — в кузов.

Четыре машины сделали три круга по площади. Набегающих белогвардейцев разили кинжальным огнем. Пулеметные ленты быстро пустели.

«Как вырваться? Как спасти отряд?» — упорно думал Федько, всматриваясь в крепкие, богатые дома, окружающие площадь. Никакой щели. Но вот ворота одного дома раздвинулись и сразу же захлопнулись.

«Вот она, щель», — обрадовался Федько и приказал шоферу с ходу ударить по воротам. Они распахнулись от легкого толчка.

— Во двор! По огородам! Уйдем, уйдем, — громко подбадривал Федько товарищей.

Оглянувшись назад, увидел молодого парня, стоявшего на крыльце. Догадался — это он открыл ворота. Не испугался. Видно, наш человек.

Ахнул под колесами старенький плетень.

Подвижной отряд вырвался из села. Поздно вечером примчался в Песчанокопскую.

Федько вышел из машины, снял желтую кожаную фуражку, вытер мокрое лицо, тихо сказал шоферу:

— Молодец, Кравчук! Не растерялся..

— Это вам спасибо. От гибели спасли. Ой, да вы ранены! Все плечо в крови.

— Ерунда. Легкая царапина. Готовьте машину. Дело предстоит жаркое...

Подбежал связной Иван Израенко:

— Товарищ командующий, на станцию Тимашевский полк подъезжает.

Федько поспешил на станцию.

Выборный командир Тимашевского добровольческого полка Михаил Прокофьевич Ковалев приготовился к обстоятельному рапорту, но Федько, торопливо пожав ему руку, повел в телеграфную. Плотнo прикрыв дверь, сказал:

— Я очень рад, что вы так быстро прибыли. Дела тяжелые. Самооборона весьма неустойчива. Белые из Великокняжеской двигаются на Развильную. Немедленно выступайте на Великокняжескую. Остановите белых. Отряды местной самообороны подчиняйте себе. В районе Торговой действует Ейский полк под командой Ивана Хижняка. Смелый, надежный командир. Непременно установите с ним связь.

Федько помолчал, глянул на часы, добавил:

— Развильную сдавать ни в коем случае нельзя. Там у церкви стоят восемь гаубиц. Надо их пустить в ход. По телефону почаще сообщайте, как идут дела. Непременно!

Установили пароль для телефонных разговоров.

Тимашевский добровольческий полк двинулся на Развильную.

Федько понравилась дисциплинированность и порядительность Ковалева. Не велик ростом, с виду мальчишка, а военное дело знает и полк прочно держит в руках. Теперь надо разыскать бригаду Дмитрия Жлобы и выдвинуть в район Лежанки.

Из штаба Калнина сообщили, что бригада Жлобы выступила на фронт, а где сейчас находится — неизвестно.

Федько выслал в ближайшие станицы разведчиков. Он очень устал. Третьи сутки на ногах. Присесть боязно — сразу уснешь.

Первая весть от Ковалева обрадовала: Тимашевский полк с ходу атаковал идущих в батальонных колоннах белогвардейцев и заставил их перейти к обороне в четырех верстах от Развильной. Две вражеские атаки отбиты.

Отличился также Ейский полк Ивана Хижняка, отразивший под Шаблиевкой шесть ожесточенных атак офицерских полков.

«Сейчас бы ввести в бой свежие силы, закрепить успех,— потирая слипающиеся веки, думал Федько.— Иметь хотя бы один полк в резерве».

В штаб вбежал шофер Степан Кравчук. Лицо его было темным от пыли. Шумно дыша, доложил:

— В Песчанокопском белые. Мы чудом ушли. На лошадях гнались, палили...

Федько поднял в ружье штабные команды, поваров, писарей, сапожников и всех направил в строй — к командиру 1-го Черноморского полка. После короткого мучительного раздумья выдвинул на линию обороны свой единственный резерв — подвижной разведывательный отряд.

Отдавая распоряжения, Федько все время думал о Тимашевском полке. Как-то там Ковалев держится? Враги нажимают и с тыла, и с фронта. Надо связаться, пока не поздно.

Федько вернулся в штаб. Приказал связному:

— Срочно вызывай Ковалева.

Прошло несколько минут. Федько, с трудом сдерживая раздражение, торопил связиста. Каждая минута дорога, белогвардейцы возьмут в кольцо тимашевцев, навалятся всеми силами, уничтожат...

Наконец телефон донес хрипловатый голос:

— Михаил Ковалев слушает.

— Немедленно возвращайтесь на станцию Песчанокопскую,— громко произнес Федько.— Срочно

вышлите эшелон нам на помощь. Вас могут отрезать. В селе Песчанокопском белые...

Услышал:

— Противник отступает. Преследуем по пятам на...

Голос Ковалева оборвался.

Федько подождал, положил трубку, сказал связисту:

— Если позвонит командир Тимашевского полка Ковалев, передайте мой приказ: немедленно двигаться на станцию Песчанокопскую,— и вышел из штаба.

На легковой машине Федько объехал передний край. В наспех отрытых окопчиках сидели и лежали бойцы местной самообороны. Сколько их? Никто не мог сказать.

«Выдержат ли они удары офицерских полков? — с тревогой прикидывал Федько. — Вся надежда на пулеметы разведывательного отряда».

Обрадовался, когда на станцию прибыл эшелон Тимашевского полка. Вместо Ковалева явился его помощник и доложил:

— Три батальона Тимашевского полка по вашему вызову явились.

— А где Ковалев?

— Нас погрузил в вагоны, а сам с конным отрядом, батареей и гаубицами из Развильной пошел походным порядком сюда.

— Когда это было?

— Часиков этак в семь-восемь.

Федько посмотрел на часы, прикинул путь Ковалева, сказал, не скрывая тревоги:

— По времени они должны быть здесь. Видно, окружили белые.

— Вырвутся. У нас командир бывалый, боевой.

В голосе помощника не было отрадной уверенности. И это усилило тревогу. Возможно, Ковалев не расслышал, не понял главного — село Песчанокопское занято противником. Вошли и попали в ловушку. И о бригаде Жлобы до сих пор нет известий. Похоже, что в штабе главкома Калнина окопались явно недобросовестные «военные специалисты». Их указания противоречивы, а иногда и преступны. Части, предназначенные для обороны линии Торговая — Тихорецкая, до сих пор не сосредоточены в 3-й колонне. Все делается для того, чтобы противник поочередно разбил разрозненные полки.

Федько вызвал в штаб расторопного и смышленного связного Ивана Израенко и приказал:

— Возьми «фиат» с десятью бойцами и постарайся разыскать Жлобу. Передай ему: бригада должна немедленно явиться на станцию Песчанокопскую.

— А если он не послушается? Не подчинится?

— У него должен быть приказ главкома Калнина. Не теряйте времени...

И Федько стал просматривать донесения. Сон навалился, пригнул усталую голову к столу. Из руки выпал красный карандаш.

Из тяжелого забытья вывел злой окрик часового и спокойный голос Ковалева.

Федько встал, встретил командира полка:

— Жив! Жив! Все вышли?

— Не вышли, а просто прошли через Песчанокопское.

— Как это — прошли, если оно занято противником?

— Вас кто-то ввел в заблуждение. Там белых нет. Верно — встречались дозорные, пытались остановить, но я их отчитал, что они службы не знают,

своих от чужих не могут отличить. Там самооборона Дьякова.

— Не верю! Вот возьмем пленных, и тогда вы убедитесь, что случайно спаслись от смерти.

Выслали разведчиков. Через час в штаб были доставлены два офицера и юнкер.

Федько допросил пленных. Один из них, молодой прапорщик, отвечал довольно обстоятельно и совершенно неожиданно сообщил о том, что сегодня шальным снарядом убит генерал Марков и по случаю глубокого траура офицеры немножко выпили...

Когда пленных увели, Ковалев сказал:

— Извините. Вы правы. Вот никак не ожидал: хваленый Дроздовский полк — и такая вопиющая безответственность. Советую этим воспользоваться. Атаковать...

— Правильно! Удивить — значит победить, говорил Суворов. Собирайте полк. Час атаки установите сами.

На рассвете Тимашевский полк стремительным, внезапным ударом вышиб белогвардейцев из Песчанокопского. Многие офицеры удирали в нижнем белье. В трех верстах от села дроздовцы остановились — из Лежанки к ним подошли резервные части.

Федько, побывав на линии огня, выехал в село Песчанокопское, провел краткий митинг и организовал запись в роты самообороны. За день командующий колонной направил в поредевший Тимашевский полк более тысячи бойцов-добровольцев.

Генерал Деникин, лично руководивший боем, двинул в тыл истекающим кровью красным войскам конные полки генерала Эрдели.

Федько прорвал кольцо окружения, отвел части на новый оборонительный рубеж на реке Ея и поста-

вил задачу не допустить прорыва противника на Тихорецкую. Штаб расположился в селе Белая Глина. Сюда прибыла долгожданная бригада Дмитрия Жлобы. Федько удалось стянуть на оборонительные рубежи Ейский пехотный полк И. Л. Хижняка и Приморско-Ахтарский полк П. К. Зоненко.

Отдохнув и пополнив свои заметно поредевшие ряды, полки генерала Деникина в ночь на 6 июля 1918 года перешли в наступление на село Белая Глина.

Трое суток продолжался непрерывный кровопролитный бой. Используя кавалерийские части и броневики, Деникин обошел Белую Глину с трех сторон.

Федько получил приказ главкома Калнина ответить колонну войск к станции Тихорецкой. Здесь главком рассчитывал задержать, а затем и разбить атакующих. Основной удар по открытому правому флангу белогвардейцев должна была нанести тридцатитысячная армия И. Л. Сорокина. Обладающий личной показной храбростью и ораторским красноречием, бывший прапорщик Сорокин считал, что пришлый латыш Калнин находится явно «не на месте». Высокий пост главнокомандующего войсками Северного Кавказа должен принадлежать ему — кубанскому казаку Ивану Лукичу Сорокину. Получив срочный оперативный приказ, Сорокин только на следующий день направил к Кагальницкой полк пехоты. Идущие без «головного охранения», сорокинцы были встречены внезапным залповым огнем полевой заставы 1-го Марковского полка и стремительно откатились на исходные позиции. Сорокин принял подлое решение «выровнять фронт» и отвел свою армию к станции Куцевка.

Всю тяжесть нарастающих ударов белогвардей-

ской армии приняли на себя обескровленные части Ивана Федько. Красноармейцы не имели патронов и отбивали вражеские атаки внезапными штыковыми ударами. Станица Ново-Покровская пять раз переходила из рук в руки.

В Тихорецкой Федько связался с рабочими железнодорожного депо и попросил их отремонтировать и оборудовать машины для автоброневых отрядов. Работали и днем и ночью. Подвижной отряд из трех трофейных бронемашин «остин» и двенадцати грузовых автомобилей «фиат», вооруженных пулеметами «максим», стал грозной силой в борьбе с рейдирующей конницей белых.

Автобронепотряд был единственной резервной единицей у командующего 3-й колонной Ивана Федько. Там, где грозила смертельная опасность, где изнуренные непрерывными боями красноармейцы отступали, появлялся Федько с автобронепотрядом и очередями тридцати пулеметов как бы зашивал трещины в линии обороны, сметая цепи атакующих.

Сводки потерь заставили генерала Деникина обратить особое внимание «на огневой кулак красных». По приказу командующего артиллерия белых стала «охотиться» за автобронепотрядом.

На всю жизнь врезался в память Ивана Федько тяжелый день — 14 июля. В штабе главкома Калнина восстали притаившиеся до поры до времени изменники. Погибли областной военный комиссар Силичев и военрук Сосницкий. Главкому Калнину с трудом удалось убежать из штабного вагона. Кавалерия белых ринулась к Тихорецкой. Навстречу вражеской колонне выехал Иван Федько с автобронепотрядом. По пути он встретил командира Тимашевского полка Михаила Ковалева, который быстро и толково доложил обстановку.

— Прогоните конницу, пока она идет в полковых колоннах,— попросил Ковалев,— а пехоту мы сами одолеем...

— Постараюсь! — сказал Федько.

Бронеотряд обрушил огонь на кавалерию противника. Всадники повернули лошадей назад. Федько хотел похвалить бойцов, но не успел: тяжелый снаряд разбил его машину. Взрывная волна отбросила его в пшеницу. На несколько минут он потерял сознание. Очнулся, услышав громкие голоса. Как будто зовут его. Собрав все силы, Федько поднялся и со стоном рухнул на землю. Израненные осколками ноги не держали измученное болью и усталостью тело. Он попытался еще раз встать во весь рост и потерял сознание.

Командир Тимашевского полка Ковалев, увидев горящую машину, поспешил на помощь Федько.

Ведя огонь с ходу, белогвардейцы приближались к машине.

Ковалев со своими связными отыскал Федько. Два бойца вывезли раненого из полосы огня. Ковалев направил Федько в Краснодар, в госпиталь. Сопровождавшему связному Ивану Израенко строго приказал:

— Смотри в оба! Головой отвечаешь...

4

В госпитале Иван Федько неторопливо и строго проверил, взвесил, как складывались, как заканчивались боевые операции, которыми он недавно руководил. В наступательных боях части проявляли похвальное упорство и одерживали победы над опытным, сильным противником. И теряли стойкость и беспорядочно отступали, когда белогвардейцам удавалось скрыт-

но окружить оба фланга атакующих. Для противодействия охватам следовало выдвигать части из резерва, но, к сожалению, под рукой не было ни одного батальона.

Врачебная комиссия рекомендовала Ивану Федько отпуск, но он отказался: Республика Советов в огненном вражеском кольце, и надо выезжать на фронт.

С боевой обстановкой Ивана Федько ознакомил его верный друг Георгий Анатольевич Кочергин. Он рассказал о том, что из Царицына получен приказ Реввоенсовета Южного фронта, утверждающий Сорокина в должности главнокомандующего всеми войсками, сосредоточенными на Северном Кавказе.

Для Федько эта новость была настолько неприятной, что он даже усомнился:

— Не может быть! Я слышал, что главнокомандующим будет Дмитрий Жлоба.

...В конце августа Федько был назначен командующим 1-й колонной войск. И с первых же дней он столкнулся с противоречивыми, а иногда и явно преступными действиями нового главкома Сорокина. Так, в середине сентября Федько узнал о том, что в районе станиц Белореченской, Черниговской, Пшехской идут ожесточенные бои: Таманская армия И. И. Матвеева пробивается на соединение с частями Северо-Кавказской армии. Федько долго сидел над оперативной картой, прикидывая расстояние до населенных пунктов в районе наступления таманцев, и пришел к выводу: необходимо помочь товарищам в беде, пойти вперед и ускорить долгожданную встречу.

К столу подошел связной Иван Израенко и положил телеграмму:

— Срочный приказ...

Федько дважды прочел и не поверил своим гла-

зам: Сорокин предлагал отвести полки колонны в станицу Невинномысскую. Отступать, когда обстановка требует наступления!

Федько привык быстро и точно выполнять приказы старших начальников, но это распоряжение нашел кощунственным, преступным. Связался с командующим Белореченским фронтом Г. А. Кочергиным, и тот одобрил решение двигаться навстречу таманцам.

Умело маневрируя и сосредоточивая артиллерийский и пулеметный огонь на решающих участках, полки Федько отбросили белогвардейские части и 17 сентября соединились в станице Дондуковской с прославленной Таманской армией. Этот день стал подлинным праздником для тридцати тысяч бойцов и огромного обоза беженцев — завершением «железного потока».

Командующий Таманской армией Иван Иванович Матвеев горячо поблагодарил Федьку и Кочергина за боевую поддержку.

— Довоевались до последнего патрона,— признался Матвеев,— пробивались штыками да прикладами. Хорошо, что вы подоспели.

— Хорошо, да не очень,— хмуро заметил Кочергин.— Главком Сорокин может свернуть нам головы за то, что пошли против его воли. Самодур, карьерист. Лезет в диктаторы, аж шкура трещит.

— Сорокин любит, чтобы ему в рот смотрели да поддакивали,— сказал Федько.— Какое-то болезненное, раздутое самолюбие. Он один умнее и дальновиднее всех. Окружил себя холоуями и пьяницами. Не штаб, а шантан какой-то. Обо всем этом честно и прямо следует доложить в Реввоенсовет республики.

— А разве местные власти не могут решить этот вопрос? — спросил Матвеев.

— Могут, да не хотят. А может, и боятся,— сказал Кочергин.— Посмотрим, какие новости привезет Полуян из Москвы.

Член Всероссийского ЦИК Ян Васильевич Полуян вернулся в Пятигорск 4 октября 1918 года. В тот же день он выступил с докладом на сессии ЦИК Северо-Кавказской Советской Республики. Было принято постановление о создании Реввоенсовета Красной Армии Северного Кавказа в составе председателя Я. В. Полуяна, членов М. И. Крайнего, С. В. Петренко, И. И. Гайченца и И. Л. Сорокина.

В Реввоенсовете Сорокин упорно отстаивал каждое свое решение и не терпел возражений и замечаний, хотя они и были справедливыми. 7 октября Реввоенсовет Северного Кавказа обсуждал директиву командования Южного фронта, принятую еще 24 сентября, о наступлении на Батайск — Ростов. В создавшейся обстановке наиболее целесообразным было вести наступление из района Армавира в направлении Кавказская — Тихорецкая и частью сил — на север от Армавира для соединения со ставропольскими частями. Сорокину удалось с помощью своего дружка по пьяным оргиям Гайченца протащить через Реввоенсовет свой план боевых операций, ставивший в тяжелое положение армии Северного Кавказа. По предложению Сорокина войска должны были взять Ставрополь и одновременно наступать на Георгиевском боевом участке на Прохладную — Моздок. В случае возможной неудачи отходить по линии Святой Крест — Астрахань.

В тот же день был передан приказ Реввоенсовета командующим Таманской армией и Белореченским фронтом: «Таманские войска и 10-ю колонну немедленно отправить на станцию Невинномысскую в распоряжение Реввоенсовета. Остальные же войска

отвести на линию Ахметовская, Упорная, Урупская и Армавир, закрепив названную линию возможно прочнее по форме полевого устава, а не окопно».

Получив этот приказ, командующий Таманской армией И. И. Матвеев оставил за себя заместителя Марка Васильевича Смирнова и выехал в Пятигорск. По пути решил заехать к своему соседу командующему Белореченским фронтом Кочергину. Нашел его в штабе у развернутой карты. Рядом с ним сидел хмурый Иван Федько.

Матвеев поздоровался, сказал с горечью:

— Примериваете, прикидываете, где вас хоронить будут? Ведь это не приказ, а форменный капкан. Если мы будем отступать до Святого Креста, то поставим крест на всей армии. Всех проглотит Калмыцкая степь. Сорокин толкает нас на гибель, и чудовищно странно, что этого не видят члены Реввоенсовета.

— Успокойся, Иван Иванович, успокойся,— посоветовал Федько.— Присаживайся к столу, не спеша обсудим обстановку и примем совместное решение. А куда ты считаешь нужным направить войска?

— Считаю целесообразным вести наступление в направлении на Кавказскую — Тихорецкую с последующим ударом на Екатеринодар. Если кадеты поколотят нас, будем пробиваться на Царицын, к десятой армии. У них есть базы боевого снабжения.

— Согласен. Целиком согласен! — воскликнул Кочергин.— Мы не удержимся в восточной части Северного Кавказа. Местное население настроено враждебно. Там мы не достанем ни хлеба, ни патронов. И в тылу у нас будет голодная и холодная степь. Путь на Царицын в сто раз короче и вернее, чем на Астрахань.

— Значит, идти дорогой Жлобы,— как бы подытожил разговор Федько.— И Жлоба явился в Царицын вовремя и оказал огромную услугу десятой армии. Однако не надо забывать о том, что Сорокин объявил Жлобу вне закона...

— Он и нас объявит вне закона,— горько усмехнулся Матвеев.— Его холуй Гайченец в момент сварганит бумажку, а Сорокин подпишет и разошлет по всем частям. Я не могу выполнить явно преступный приказ. Поеду в Пятигорск и докажу членам Реввоенсовета, что они ошибаются. Поймут. Ведь свои ребята...

— И ты жестоко заплатишься. Сейчас Реввоенсовет наводит строгую дисциплину. Надо выполнять приказ, памятуя о том, что обстановка может резко измениться. Эсер-авантюрист Сорокин рано или поздно столкнется с коммунистами Полуяном, Крайним и Рубиным.

— Боюсь, что будет поздно,— сказал Матвеев.— Надо спешить. Из Пятигорска сообщу, как повернется дело.

Матвеев порывисто пожал друзьям руки и торопливо вышел из штаба.

Кочергин свернул карту, встал:

— Я поеду с ним.

— Нельзя этого делать. Обратно не вернешься.

— Так что же, я должен отступать? Отдавать кадетам кровью завоеванное? Этого нельзя допустить.

— Пока будем отступать. А потом снова пойдем вперед... Я постараюсь связаться с Орджоникидзе. Сейчас он во Владикавказе. Ну, держись, не хандри. Почаще позванивай. И будь осторожнее.

Федько старался казаться жизнерадостным, но сердце щемила нарастающая тревога. Подчиняясь

приказу Реввоенсовета, командующий 1-й колонной Федько стал отводить войска с рубежа реки Лаба на позиции по реке Уруп.

Вечером 9 октября к Федько приехал бледный, очень расстроенный заместитель командующего Таманской армией Марк Смирнов и сообщил:

— Беда, товарищ Федько. По требованию Сорокина арестован Кочергин. Да и Матвеев что-то задерживается...

— Сорокин их ненавидит. Поставит к стенке. Надо выручать. Поехали в Реввоенсовет. Поговорим с Полуяном и Крайним. Добьемся освобождения...

В дороге Федько думал лишь о том, как убедить членов Реввоенсовета отменить приказ об аресте преданных революции, любимых бойцами командиров. А может быть, их уже нет в живых. Сорокин постарается поскорее избавиться от популярных в армии, трезво и правильно оценивающих обстановку военных начальников. Кто знает — может последовать приказ и об аресте «заступников», как нарушителей дисциплины...

Федько и Смирнову удалось убедить членов Реввоенсовета в том, что арестовывать командующего Белореченским фронтом Кочергина нет надобности.

Только один Сорокин требовал расстрела Кочергина во имя укрепления порядка в армии.

Реввоенсовет принял решение снять Кочергина с должности командующего Белореченским фронтом и направить в кавалерию командиром сотни.

Осунувшийся, бледный Кочергин горячо поблагодарил друга:

— Сегодня ты спас мне жизнь. Я этого никогда не забуду.

— И приобрел заклятого врага,— сказал Федько.

— Ты здесь не задерживайся. От сорокинских молочников всего можно ожидать.

— Беспокоит меня Матвеев. На редкость прямой и резкий человек. Что думает, то и скажет. А Сорокину это на руку...

Опасения Федько подтвердились. По требованию Сорокина командующий легендарной Таманской армией Иван Иванович Матвеев был расстрелян. Об этом Федько узнал, получив приказ Реввоенсовета от 11 октября 1918 года. Не скрывая горечи и возмущения, сказал своему заместителю Ивану Богданову:

— Нелепая, чудовищная смерть. Могли снять с должности, отправить в распоряжение Реввоенсовета Южного фронта, но расстреливать без суда и следствия — произвол, вопиющая несправедливость. Как скоро забыли, что Матвеев шестьдесят тысяч бойцов и беженцев по вражеским тылам провел и от смерти спас. Убили моряка-черноморца, старого революционера. Представляю, какое негодование, какую ненависть к Реввоенсовету вызовет в Таманской армии весть о расстреле Матвеева.

— Будем надеяться, что это последнее преступление Сорокина, — чуть слышно заметил Богданов. — Таманцы отомстят за смерть своего командира.

— Командармом теперь Епифан Ковтюх. Он сумеет удержать армию от похода на Пятигорск. Это очень авторитетный и волевой командир. А что касается Сорокина, то он сам себе подпишет приговор. Вот увидите...

21 октября Сорокин арестовал председателя ЦИК Северо-Кавказской республики А. А. Рубина, секретаря крайкома М. И. Крайнего, председателя фронтовой ЧК Б. Рожанского, уполномоченного ЦИК по продовольствию С. А. Дунаевского и расстрелял их.

По инициативе военного комиссара Шалвы Аскурава в Армавире состоялось совещание фронтовых большевиков, которое потребовало созвать чрезвычайный съезд Советов для ликвидации контрреволюционного выступления Сорокина.

Делегаты съехались в Невинномысскую. Съезд объявил бывшего командующего Сорокина вне закона, как изменника и предателя, и назначил временно главнокомандующим революционными войсками Северного Кавказа И. Ф. Федько. Политическим комиссаром при главкоме стал Ш. М. Аскурава.

30 октября кавалерийский полк таманцев, возглавляемый заместителем командарма Марком Смирновым, арестовал Сорокина и его свиту. В ставропольскую городскую тюрьму пришел боевой друг И. И. Матвеева командир 3-го Таманского полка Иван Высланко и в упор разрядил в Сорокина револьвер.

5

...В тяжелое, грозное время принял должность главнокомандующего всеми войсками Северного Кавказа Иван Федорович Федько.

У красноармейцев изнашивались обмундирование и обувь. Начались эпидемические заболевания, а в полках нет врачей и медикаментов. И самое страшное — на исходе патроны и снаряды.

Трудно управлять войсками при нынешней их раздробленности и разобщенности: только в трех боевых колоннах более сотни полков и отрядов. Между этими полупартизанскими частями нет должного взаимодействия, не развито чувство взаимной выручки. Возомнившие себя большими начальниками командиры отрядов способны не выполнять приказы

о выдвижении бойцов в указанных направлениях, поэтому часто фланги и тылы остаются открытыми для ударов противника. Бывший главком Сорокин расшатал дисциплину в армии. Его любимцы — эсеры и анархисты — в трудные минуты сражений безнаказанно уклонялись от выполнения оперативных заданий, не шли на помощь соседям, а уводили отряды с линии огня.

Эти насущные вопросы главком Федько поставил перед Реввоенсоветом Северного Кавказа, требуя срочного переформирования всех частей в стрелковые и кавалерийские дивизии. Предложение было одобрено.

Реорганизацию приходилось проводить в сложной боевой обстановке. Нужно было остановить атакующего противника, вырвать боевую инициативу, взять губернский город Ставрополь. И Федько решил выехать на станцию Марьевку в штаб Таманской армии. Перед отъездом посоветовал Шалве Аскурава:

— Прошу вас обратить особое внимание на создание партийных ячеек в каждой роте, эскадроне, батарее. Сами понимаете: коммунисты — это наша главная ударная сила, первые помощники и организаторы. Без партийных ячеек мы не можем укрепить дисциплину и порядок.

Комиссар Аскурава отвел со лба длинные черные волосы, сказал с грустью:

— Были крупные ячейки в некоторых полках, да вот понесли огромные потери в последних боях. Коммунисты в атаке всегда впереди. Надо вести агитацию и создавать новые партийные ячейки. У нас есть отряды, в которых нет партийных организаций. Как-то мне пришлось побывать у Кочубея. Там на всю бригаду один коммунист комиссар Кандыбин. Потому-то и нет должной дисциплины и организо-

ванности в этой бригаде... Да и с местным населением кочубеевцы не ладят. Вон целая папка жалоб...

— Кочубей — храбрейший казак, но неграмотный командир. К нему особый подход нужен. Постараюсь побывать у него. После таманцев. Они решают главную задачу.

18 ноября Федько прибыл в штаб Таманской армии. На совещании командного состава он изложил свой план наступления, разгрома соединений противника и освобождения Ставрополя. Одновременно главнокомандующий приказал переформировать все войска в четыре пехотных и один кавалерийский корпус, по две дивизии в каждом. Для пополнения полков была проведена мобилизация. В ряды таманцев влилось десять тысяч человек.

Федько объехал части и ознакомился с их боевой готовностью. По пути на станцию Спицевка главком видел с бронепоезда, как белогвардейская пехота пыталась перейти на сторону красных, но была настигнута и жестоко вырублена шкуровцами...

19 ноября полки таманцев перешли в наступление и пробились к селам Московскому и Донскому.

Ожесточенные, кровопролитные бои за Ставрополь продолжались более двух недель. Когда кончались патроны, красноармейцы поднимались в штыковые атаки и отбивали боеприпасы у противника.

За стойкость, мужество и массовый героизм краевой исполнительный комитет Совета рабочих и крестьянских депутатов наградил Таманскую армию Красным Знаменем.

6

21 ноября 1918 года на хуторе Грачевка Иван Федько получил приказ № 7 Реввоенсовета Каспийско-Кавказского отдела Южного фронта, упраздняющий

Реввоенсовет Северного Кавказа и вместо него учреждающий Революционный военный совет 11-й армии. В его состав назначались И. Ф. Федько, Я. В. Полуян и С. Г. Мамсуров.

В предельно короткий срок молодой командарм организовал штаб 11-й армии. Придет время, и она впишет ярчайшие, героические страницы в летопись гражданской войны. А рождение и первые шаги ее были крайне тяжелыми. Подобрать опытных, верных Советской власти военных специалистов помог Ивану Федько назначенный председателем Реввоенсовета, хорошо знающий Юг России профессиональный революционер Ян Васильевич Полуян.

Постепенно из раздробленных полков, отрядов и команд сложились четыре пехотные дивизии. Потерявшие боевую способность, бывшие сорокинские части были расформированы. Их оружие и проверенный личный состав были переданы в новые полки. За счет партийной мобилизации удалось укрепить политаппарат, создать партийные организации. Армейские большевики разъясняли красноармейцам поставленные боевые задачи. Все это благотворно сказалось на боеспособности войск.

Во второй половине ноября успешно завершилось многодневное сражение в Терской области. Полки 1-й Ударной советской шариатской колонны под командованием Мироненко совместно с частями Георгиевского и Свято-Крестовского боевых участков разгромили контрреволюционную армию Бичерахова, освободили станицу Прохладную и город Моздок. Была восстановлена Советская власть во всей Терской области, снята осада с Владикавказа, Грозного и Кизляра. Войска 11-й армии соединились с частями соседней 12-й армии.

19 ноября чрезвычайный комиссар Юга России Г. К. Орджоникидзе передал телеграмму В. И. Ленину:

«Вчера XI и XII армии соединились в районе Котляревской. Сдача оружия станицами продолжается. Взято 12 орудий, масса винтовок, снарядов. Вся Большая Кабарда освобождена от контрреволюционных банд. В Грозном по случаю победы на Сунженской линии был парад. В Грозный прибыли 4000 казаков-красноармейцев при 18 орудиях...»¹

Замечательная победа в Терской области позволила восстановить железнодорожное и телеграфное сообщение от Георгиевска до Кизляра. Открылась прямая связь с Астраханью.

С переменным успехом шли непрерывные бои на Ставропольском фронте. Этому трудному участку Федько уделял большое внимание и непосредственно руководил боевыми операциями. В ожесточенном многодневном сражении в районе Бешпагир — Спицевка красные полки отбросили дивизии Шкуро из Покровского к югу, а дивизию Улагая вынудили к отступлению на север. 24 ноября 1918 года части 11-й армии заняли Бешпагир.

Командарм Федько приказал перейти в решительное наступление на участке Николина Балка — Петровское — Донская Балка с задачей окружить и уничтожить противостоящего неприятеля. Е. И. Ковтюху следовало создать четыре ударные группы для успешного наступления.

Вечером 25 ноября Федько получил донесение о победе 2-й Таманской дивизии, выбившей отборные части генерала Покровского из села Петровского.

¹ Г. К. Орджоникидзе. Статьи и речи в 2-х томах, т. 1. М., Госполитиздат, 1956, стр. 53.

Преследуя отступающих, красноармейцы ночью ворвались в Константиновское. Командир полка Михаил Прокофьевич Ковалев порадовал Федько сообщением:

— В Константиновском захвачен штаб корпуса генерала Врангеля, самому генералу удалось удрать в нижнем белье. Взяты обозы двух полков и полевой госпиталь.

Командарм поблагодарил друга за добрую весть: бойцам были очень нужны отбитые у врага патроны и медикаменты — свирепствовал тиф.

Эпидемические заболевания усилились с наступлением холодов. К 1 декабря 1918 года тиф вывел из строя более сорока тысяч бойцов и командиров. Все станции, курортные дворцы, школы, крестьянские хаты были забиты мечущимися в бреду больными. Врачи мужественно умирали в неравной борьбе с неумолимо разрастающейся эпидемией. Тиф сковал боеспособность героической 11-й армии.

В эти смертельно опасные дни Федько получил приказ Реввоенсовета Каспийско-Кавказского фронта, извещающий о том, что командующим 11-й армией назначается товарищ Крузе, а его помощником — Федько. Появление приказа было неожиданным и ничем не мотивированным. «Видимо нашли, что я слишком молод, — решил Федько. — Подыскали более опытного начальника. Буду учиться у него».

Ничего не скрывая, Федько доложил вновь прибывшему командующему о состоянии армии.

Бывший астраханский губернский военрук Крузе был ошеломлен опасностью, нависшей над 11-й армией.

— Что же это получается: патронов нет, снарядов нет, медикаментов нет, белья для раненых и больных и подавно нет, — торопливо загибая чистень-

кие наманикюренные пальцы, перечислял Крузе.— На чем же, спрашивается, вы держались до сего времени?

— На революционном сознании бойцов и командиров. Беспредельная преданность Советской власти помогала нам бить опытного и хорошо вооруженного врага.

Крузе удивленно посмотрел на Федько, пожал узкими, плотно обтянутыми новеньким френчем плечиками.

— Для агитации и пропаганды это убедительно, а для практической деятельности непостижимо. Я упорно отказывался от должности, но мои доводы, к сожалению, не были приняты во внимание.

Федько ничего не сказал, но понял, что Крузе на трудном посту командарма не долго удержится.

Через месяц Крузе был назначен инспектором по формированию резервов 11-й армии, а его место занял бывший офицер, военный комиссар Терской республики Михаил Карлович Левандовский. В это время 11-я армия, теснимая врагами, измученная голодом и холодом, уничтожаемая тифом, отступала через Калмыцкие степи на Астрахань.

Член Реввоенсовета Иван Федько выполнял ответственные поручения командарма Левандовского по организации обороны на решающих участках фронта. Находясь все время среди бойцов, Федько заболел тифом. Старый боевой друг Георгий Кочергин раздобыл бричку и сказал Ивану Израенко:

— Постарайся доставить Ивана Федоровича в Астрахань.

Ординарец Иван Израенко с честью выполнил этот наказ и спас жизнь своему любимому командиру.

Выздоровливающий Федько стал расспрашивать, живы ли товарищи, и прежде всего поинтересовал-

ся, дошел ли до Астрахани комиссар Шалва Аскурава.

Израенко не хотел расстраивать измученного тяжелой болезнью командира и попытался перевести разговор на баньку, в которой очень полезно помыться и попариться.

— Да ты не виляй,— обиделся Федько.— Что случилось с Аскуравой?

— Не дошел... Погиб.

— Замечательный человек был Аскурава... А где бывший начальник штаба Одарюк?

— Умер от тифа.

— Очень жаль... Мы должны работать и за погибших...

И в тот же день еще не оправившийся от болезни Иван Федько поехал в Реввоенсовет армии. Получил задание — остановить отступающие части в районе Лагани и организовать 3-ю бригаду 1-й стрелковой дивизии.

В первых числах февраля Федько выехал в село Промысловку. Здесь он встречал голодных, оборванных, изнуренных тяжелым переходом по студеным, гибельным пескам пустыни бойцов. Больных устроивал в госпитали, здоровых обмундировывал и направлял во вновь формирующиеся части. Выступал на митингах, объяснял боевым друзьям, почему пришлось отступить, призывал к суровой мести, к разгрому врагов Советской республики. Эту напряженную работу прервал возвратный тиф.

...Иван Федько победил смерть. В теплый весенний день сказал ординарцу Израенко:

— Пойдем к Кирову. Больше не могу лежать.

— Куда вы, Иван Федорович! На ногах не стойте. Шутка ли — брюшной тиф и возвратный перенесли.

Заложив руки за спину, Федько трижды пересек комнату, вытер вспотевший лоб, выругался:

— Вот чертова хвороба! Все силы выжала. Еще денька два-три полежу — и пойдем. Непременно!

Сергей Миронович Киров с радостью встретил Федько. Сочувственно глядя на бледное, остроскулое лицо собеседника, сказал, улыбаясь:

— Слышал, много хорошего слышал о вас, воскресший из мертвых. Вы нам очень помогли. Из частей одиннадцатой армии мы создали две пехотные и одну кавалерийскую дивизию.

— Это не моя заслуга. Остатки армии спас Левандовский.

— Однако вы были первым командармом одиннадцатой, а затем заместителем и честно выполнили свой долг. Кстати, а сейчас-то вы в какой должности?

— Пока я валялся на койке, армию расформировали.

— Судя по фамилии, вы украинец. Видимо, там и начинали службу в Красной Армии.

— Начинал-то в Крыму.

— В Крыму и на Украине сейчас тяжелая обстановка. Вы там будете очень нужны. Вот что — поезжайте-ка в Москву. Я напишу письмо Владимиру Ильичу. Вам было бы очень полезно с ним встретиться и обстоятельно поговорить...

— Что вы, товарищ Киров. Это ведь невозможное дело. У Ленина и минуты свободной нет.

— Непременно примет. Ильич — очень простой, внимательный, душевный человек. Возьмите с собой, кого сочтете нужным, и поезжайте. Вагоном я вас обеспечу.

— Спасибо, Сергей Миронович. Мне даже как-то не верится.

— Желаю доброго пути, Иван Федорович.

1

...В Москву вместе с Федько выехали его боевые друзья: Георгий Кочергин, Иван Подвойский, Иван Израенко, Гавриил Кереметчи, Николай Ефимов и Иван Сугак.

Прибыли в столицу 7 апреля 1919 года. В тот же день Федько связался с комендантом Кремля, предъявил письмо Кирова и попросил:

— Помогите получить пропуск к товарищу Ленину.

— Думаю, что дело ваше верное. Владимир Ильич весьма уважает военных. Прибыли, можно сказать, из самого пекла.

На следующий день Иван Федько получил пропуск. Долго смотрел на крошечный квадратик бумаги и не верил своему счастью. Вспомнил прожитое и пережитое. Из всех событий, участником которых он был, отбирал самые главные, самые важные: времени мало, обо всем не успеешь рассказать. Прикидывал, как представиться, с чего начать разговор.

И все получилось не так, как думал...

Вместе с Федько волновались приехавшие с ним из Астрахани боевые друзья, с нетерпением ждали возвращения Ивана Федоровича из Кремля. Прикидывали: как-то примет, что скажет Ленин?

Федько пришел вечером, и по его ликующему, счастливому лицу товарищи догадались — встреча прошла хорошо.

Неугомонный, нетерпеливый Иван Израенко то-ропливо спросил:

— Ну как там, Иван Федорович, получилось-то? Расскажите, пожалуйста.

— Хорошо получилось. У Ленина все получается хорошо. Впрочем, давайте по порядку. Я вошел в кабинет и хотел было по-военному рапортовать, да не успел. Ленин встал, вышел мне навстречу, первым протянул руку и сказал: «Присаживайтесь, товарищ Федько. Вижу вас впервые, а кажется, что мы знакомы продолжительное время. Спасибо вам за присланные в Москву эшелоны. Питер, Москва да и другие города весьма нуждаются в хлебе насущном». И тут я почувствовал себя виноватым: не рапортовать надо, а каяться. «На Кубани много хлеба,— говорю,— да вот не могли удержать. Пришлось отступать...» «Знаю, знаю. Товарищ Орджоникидзе обстоятельнейшим образом докладывал о положении на Северном Кавказе и о тяжелых потерях одиннадцатой армии,— сказал Владимир Ильич, и лицо его стало грустным и строгим.— Вы не только свидетель, но и активнейший участник событий. Расскажите, как относится трудовое казачество к Советской власти. Поделитесь своими наблюдениями». Такого вопроса я не ожидал. Помялся немножко. Слышу: «Да вы не смущайтесь. Смелее, товарищ Федько». И я заговорил. Не очень-то складно, но рассказал о том, как сражались мы на Северном Кавказе, и почему вспыхнули восстания в некоторых станицах, и как белым генералам удалось переманить на свою сторону значительную часть казачества. Слушал меня Владимир Ильич внимательно, кое-что записывал, прищуривал глаза, как будто что-то вспоминал. А когда я ответил, спросил: «У вас удивительно молодое лицо. Сколько вам лет?» — «Двадцать два года». — «А какое у вас военное образование?» — «Кончил Киевскую школу прапорщиков в семнадцатом году». Вла-

дмир Ильич хорошо так улыбнулся, всем лицом: «Прапорщик — командарм. Прапорщик бьет белых генералов. Очень хорошо! Великолечно, батенька!..» И вот тут зазвонил телефон. Ленин послушал, посмотрел на часы, сказал: «Не задержусь. Через пять минут выхожу». Бережно положил трубку, собрал лежавшие на столе бумаги, посмотрел лукаво: «Заговорились мы с вами. Благодарю за весьма полезные сведения. Да, о самом главном и забыл спросить. Как вы себя чувствуете после болезни? Вероятно, следует отдохнуть?» — «Здоров. Прошу направить на фронт. Хорошо знаю Крым, Украину...» — «Об этом и Киров пишет. Товарищ Склянский подберет для вас подходящее дело. Я ему незамедлительно позвоню». Тут я встал, поблагодарил за внимание. Владимир Ильич проводил меня до двери, пожал руку, вот эту самую, улыбнулся: «Желаю вам всяческих успехов, Иван Федорович... Так, кажется, вас зовут? Жду добрых вестей». Вот и все... Шел я сюда и пел что-то и смеялся... Как будто не с Председателем Совнаркома, а с родным отцом встретился. Завтра утром иду к Склянскому.

2

...Реввоенсовет республики направил И. Ф. Федько в распоряжение украинского Советского правительства. Приняли его хорошо и назначили членом Революционного военного совета Крымской армии.

Командующим Крымской армией и наркомвоенмором Крыма был человек стальной воли и большого мужества — Павел Ефимович Дыбенко.

Федько довольно быстро подружился с Дыбенко, который поручил ему формирование, оснащение и

боевую подготовку красноармейских частей. В этой сложной и трудной работе большую помощь Федько оказали начальник штаба армии большевик-ленинец Сергей Иванович Петриковский (Петренко) и начальник политического отдела, видный деятель Коммунистической партии Александра Михайловна Коллонтай.

Многие вопросы, связанные с мобилизацией населения, обмундированием и питанием, удалось решить благодаря активному содействию секретаря обкома партии Юрия Петровича Гавена.

Формирование частей Крымской армии было прервано наступлением белогвардейцев, которым удалось при помощи англо-французских кораблей высадиться в Крыму.

Отступали, ведя непрерывные бои. Под огнем врага полки армии были сведены в бригады. Из них сложилась Крымская дивизия, переименованная в середине июля 1919 года в 58-ю стрелковую. Начальником ее был назначен Иван Федорович Федько.

Обстановка была сложной и тяжелой. Анархист Нестор Махно, прикинувшийся на время союзником Красной Армии, вероломно нарушил договор и увел бригаду с участка Мариуполь — Волноваха.

Генерал Деникин воспользовался услугой Махно и двинул в образовавшиеся «ворота» казачью конницу Шкуро.

Заняв Екатеринослав, белогвардейцы повели наступление в глубь Правобережной Украины на Елисаветград — Знаменку — Николаев. Одновременно они двигались вдоль побережья Черного моря на Херсон — Николаев — Одессу.

Федько отражал удары противника, умело используя 4-ю внештатную бригаду Г. А. Кочергина и маневренность основной огневой силы — брига-

ды бронепоездов, которую возглавлял черноморский моряк большевик Семен Михайлович Лепетенко.

Оборвалась связь со штабом 14-й армии. Федько знал, что в Одессе находится 47-я дивизия Лагофета и где-то на Днестре, у границы Румынии, 45-я дивизия Якира. Нужно было установить с ними связь, объединиться в борьбе с сильным, хорошо вооруженным и обученным противником.

В тылу дивизии рыскали банды Махно. Этот враг оказался самым опасным. Батько Махно заслал в полки 58-й дивизии под видом добровольцев своих агентов, которые стали зазывать земляков в «свободную» повстанческую армию защищать «ридные поля и хаты».

Федько узнал об этом в начале августа, когда части дивизии вышли в район Николаева.

3

...Позвонили. Федько снял трубку. Услышал:

— Вас к проводу срочно вызывают.

Федько прошел в телеграфную. Прочел:

«По пути Нового Буга встретил своих матросов с бронепоезда «Память Свердлова», которых бронепоезд Махно сбросил под откос. Обезоружены же они были на станции Новый Буг. Они рассказывают, что Кочергин убит брошенными в окно бомбами. Жена ранена».

Удивленно и гневно Федько спросил: «С кем говорю?» Минута показала больше часа. Далекий собеседник ответил: «Я — Мягкоход!»

Мягкоход — начальник штаба бригады бронепоездов. Неужели все это правда? Еще вчера утром раз-

говаривал с Кочергиным, и он сообщил тяжелую новость: бандиты взорвали Гурьевский железнодорожный мост через Буг.

Федько спросил: «А как штаб Кочергина?» Мягкоход ответил: «По рассказам матросов, штабники присоединились к махновцам».

Как душно и жарко. Кровь туго бьет в висках. Погиб боевой друг. Работники штаба бригады трусили, изменили...

Федько вернулся в свой вагон, приказал дежурному:

— Срочно вызовите комбрига Мокроусова, начальника оперчасти Урицкого, комиссара Михеловича, начальника политотдела Пахомова.

Собирались медленно, и это раздражало. Такое тяжелое время. Решается судьба дивизии.

Пришел Урицкий, за ним Мокроусов.

Федько сказал Мокроусову:

— В городе участились случаи грабежей. Усильте патрули. Задержанных отправляйте в трибунал.

В штаб вошел Михелович. Он достал газету, хотел что-то сказать, но в дверях появился мокрый от пота Семен Лепетенко и сообщил:

— Беда, товарищ начдив. Атаман Щусь собрал толпу. Хотят вас арестовать.

Федько налил в стакан воды:

— Выпей, Семен Михайлович. Где этот Щусь?

— Что-то вроде сходки... У бронепоезда. Грозятся. Вам бы уехать надо.

— И тогда скажут: видно, виноват Федько, сбегал, бросил своих в беде. Такая роль мне не к лицу. Пойдем потолкуем с атаманом.

Не спеша Федько зарядил маузер и первым вышел из штаба. За ним последовали Михелович, Мокроусов, Урицкий и Лепетенко.

Еще издалека услышали нарастающий шум. Толпа расступилась, увидев начдива. Федько поднялся на площадку бронепоезда. Услышал голоса:

— Сам на погибель явился!

— Пусть побрехае про свою измену.

Длинноволосый человек в синей косоворотке и матросских брюках с площадки бронепоезда зычно объявил:

— Имею до вас важное сообщение, громадяне. Вот телеграмма, слушайте: «Народные представители Украины единодушно избрали на пост главнокомандующего всеми революционными и повстанческими войсками Украинского фронта батьку Нестора Махно». Никто не сомневается, что пятьдесят восьмая есть беспредельно преданная матке-Украине дивизия. Батько Махно приглашает вас до своей свободной армии. Мы каждого оденем, обуем и накормим. Федько этого не сделает. Он запродавал вас оптом генералу Деникину за десять миллионов. Федько — бывший офицер, предатель! Его надо арестовать и отправить в штаб повстанческой армии.

— А чего возиться! Сами разберемся!

— Тихо! — оборвал выкрики Федько. — Кому вы верите, товарищи бойцы! Мелкому провокатору атаману Щусю. Телеграммка его — форменная липа. Нет никаких народных представителей. Есть у нас одна, своя, кровная Советская власть. За нее и будем биться, пока не очистим землю от всех врагов. Вы слышали — атаман Щусь назвал меня предателем. Дешкать, купил меня Деникин за десять миллионов. Дешево ценишь, атаман. Не там предателей ищешь. Твой хозяин батько Махно снял бригаду с обороны Мариуполя и Волновахи. Открыл Деникину ворота на Украину. Спроси Махно, за сколько грошей продался?

— Не позорь батьку. Пулю слопаешь, офицерская морда,— совсем близко услышал Федько злой голос. Глянул вниз — против него стоял усатый, опаленный солнцем детина и прицеливался из револьвера.

— Спрячь пугач, холуй! — приказал Федько, и усатый торопливо сунул револьвер в карман.— Да, я офицер. Прапорщик. Только не дворянской крови, а мужицкой. По профессии я столяр-краснодеревщик. Меня сюда Ленин послал. В апреле я был на приеме у Владимира Ильича. Мне Ленин доверяет, а на доверие Махно мне наплевать. Да, мы раздетые и разутые, и харч скуповат, и горилки нема. А у Махно все есть. Нахапали, натаскали добра — повозки ломятся. Кровь и слезы народа на том добре.

— Кончай! — крикнул Щусь.— Приговорен к казни, гад!

— Нападать из-за угла и убивать безоружных — мастера. Бронепоезд «Память Свердлова» вы пустили под откос. Ничего не забудем, за все ответите, предатели и убийцы. Товарищи красноармейцы! Призываю вас сплотиться вокруг нашего боевого знамени и стальными рядами двинуться в поход на занятый кадетами Киев. К этому призывает вас вождь трудового народа Ленин. Этого требует родная Советская власть. По частям, товарищи!

Рослый, широкогрудый, крепкий, словно из чугуна вылитый, стоял начдив и всматривался в толпу. И, встретившись с его взглядом, бойцы виновато опустили головы. А некоторые торопливо уходили с этой шумной, постыдной сходки.

Снова что-то закричал атаман Щусь, но его оборвал Мокроусов:

— погоди, атаман! Ты уже выступал. Теперь мой черед.

И заговорил, не спеша, по-житейски просто и остроумно.

Федько заметил, что с соседнего бронепоезда на него наводят пулемет. Кивнул головой Урицкому и положил руку на кобуру маузера.

Урицкий догадался и быстро ушел.

Мокроусов рассказывал об анархии — матери беспорядка, высмеял липовую махновскую телеграмму и посоветовал ее употребить на подтирку, когда атаман до ветру сходит.

Бойцы засмеялись, кто-то пробасил восхищенно:

— Вот драит Мокрый Ус! Наш братан, черноморский...

А комбриг Мокроусов уже настраивал бойцов на северный поход, к желанной победе.

Толпа слушала его с таким вниманием, что не заметила, как очутилась в кольце красноармейцев батальона связи. Сурово и гулко простучали пулеметные катки. Повелительно, твердо прогремел голос комбата связи Владимира Левенсона:

— Разойтись!

— Тикай, братва, тикай! — завопил кто-то, и собравшиеся ринулись врассыпную.

Федько подошел к Левенсону:

— Благодарю от лица службы! Организаторов сходки арестовать!

Атаману Щусю удалось скрыться. Несколько махновцев и переодетых белогвардейцев были направлены в трибунал и приговорены к расстрелу.

В штабе Федько приказ Лепетенко:

— Уничтожьте бронепоезда.

— Как это понимать?

— Надо взорвать все бронепоезда, чтобы не достались противнику.

Семен Лепетенко отвернулся, плечи, стянутые

кожаной тужуркой, вздрогнули, сказал чуть слышно:

— Увольте от такого дела, товарищ начдив. Я их своими руками создавал, столько прошел с ними...

— Ты спал на этой неделе, Семен Михайлович?

— Не пришлось... Не до того было.

— А спать надо. Иначе с ног свалишься. Иди на мою койку. Отдохни. А бронепоезда взорвет Иван Мягкоход.

Федько сел к столу, написал приказание Мягкоходу:

«С получением сего предлагается принять немедленные меры к уничтожению бронепоездов, дабы не сделать их добычей врагов Красной Армии. Начдив Федько».

Посмотрел на часы, поставил: «14. VIII. 1919 г. 18 час.»

Долго смотрел на крошечный листок бумаги. Видел перед собой покрытые шрамами, прокопченные бронепоезда: «Грозный», «Спартак», «Освободитель», «Память Урицкого», «Память Иванова», «Летучка № 8». Сколько раз они выручали из беды, спасали пехоту. Какая силища: двадцать два орудия разных калибров и тридцать пулеметов. Собственной рукой пришлось написать приговор главной огневой силе дивизии. Тяжко, а надо.

Федько вызвал младшего помощника по оперативной части Клярфельда, передал листок, предупредил:

— Проконтролируйте исполнение. Все, что можно использовать, снять.

И сразу же приказал Урицкому собрать все дела, оповестить работников штаба и специальные подразделения о переезде в Николаев на Соборную улицу.

Военкому Михеловичу и начальнику политотдела Шахомову начдив посоветовал:

— Мы стягиваем все уцелевшие части к Николаеву. Направьте коммунистов штабных подразделений в полки. Пусть беседуют с бойцами, объясняют, почему мы вынуждены отступать и кто виноват в том, что мы оказались отрезанными от частей Красной Армии. Нам придется оставить город и отойти за Буг. Мобилизуйте всех коммунистов Николаева...

Смеркалось, когда штабной автомобиль со станции направился на Соборную улицу.

Тяжелые взрывы потрясли землю.

— Бронепоезда рвут,— тихо сказал Федько.— Всякие бывали беды, но такую переживаю в первый раз...

4

...Сильно обескровленные, измученные полки 58-й дивизии переправились на правый берег Южного Буга.

Начдив Федько по радио получил приказ, в котором говорилось, что Реввоенсоветом 12-й армии создана Южная группа войск в составе 45, 47 и 58-й стрелковых дивизий. Командующим Южной группы назначен И. Э. Якир.

Приказ обрадовал Федько. Наконец-то кончилось тяжелое время полного отрыва от своих частей, есть штаб, который будет направлять боевые действия трех дивизий.

Начдив 58-й разослал 18 августа в бригады приказ:

«Противник занял Николаев и ставит своей задачей форсировать Буг с целью дальнейшего продвижения на Одессу и занятие таковой.

Согласно приказу штаба Южной группы войск удерживать правый берег Буга во что бы то ни стало...»

Федько понимал: прорыв войск генерала Слащева на правый берег Буга грозит гибелью не только 58-й, но и 47-й, и 45-й стрелковым дивизиям, которые окажутся под ударами и с фронта, и с тыла.

— Удерживать позиции во что бы то ни стало! — призывали бойцов фронтовые большевики.

Единственный мост у села Варваровки, по которому днем и ночью отходили дивизионные обозы, гурты скота и повозки беженцев, охранял Интернациональный полк. В него входили венгры, китайцы, латыши, поляки. Они отбили несколько ожесточенных атак. К исходу дня офицерская рота ворвалась на мост. И тогда навстречу атакующим ринулась польская рота коммунаров. Сошлись врукопашную. И на том и на другом берегу прекратили огонь. Бой был яростным. Две роты погибли на мосту.

Понесся огромный потери, белогвардейцы прекратили атаки. Когда все беженцы и дивизия перешли Буг, Федько приказал уничтожить мост.

Десять дней части 58-й стрелковой удерживали правый берег Буга — от устья реки до Вознесенска.

За это время комиссары провели в частях дивизии партийные собрания, красноармейские митинги. Были выявлены и осуждены агенты батьки Махно.

В строй вернулись многие бойцы и командиры, бежавшие из махновского плена. Федько обрадовался, узнав, что комбриг Георгий Кочергин не убит, а ранен. Ему помогли скрыться его бывшие бойцы, захваченные бандитами.

Командование белых войск убедилось в неприступности позиций красных на правом берегу Южного Буга и вынуждено было повести наступление на

Одессу с востока. При поддержке англичан и французов белогвардейцы высадили десант и захватили Одессу.

В это тяжелое время 58-я дивизия оказала помощь разбитой 47-й дивизии Лагофета и приняла ее в свои ряды сводным отрядом, преобразованным в дальнейшем в 1-ю бригаду двухполкового состава.

Штаб Южной группы разработал операцию прорыва на север. 58-я дивизия составляла правую колонну войск. Левее ее лежал путь 45-й дивизии под командованием И. И. Гарькавого. Под Уманью им следовало совместно атаковать противника.

Начался трудный, длительный, опасный поход на Киев.

...Ночью в деревне Крымке начдив Федько долго сидел над картой, обдумывая оперативный приказ по дивизии. В штаб зашел усталый, раздраженный начальник обоза Иван Сугак и попросил:

— Товарищ начдив, освободите, ради бога! Сил больше нет. На тридцать верст этот табор растянулся. Тащат все за собой — от зыбки до коровы. Ребятишки ревут. И всех кормить надо.

— Мы не можем бросить беженцев. Это семьи коммунистов и советских работников. Если мы оставим их, погибнут. Детишек надо поить молоком. И всех, слышите, всех кормить три раза в сутки. Ведь это наши люди, товарищ Сугак.

— Тяжело. А потом такая думка тревожит. Говорят, Киев-то занят кадетами. А мы тащим туда такую ораву. Дело-то шибко рискованное.

Федько уже думал об этом. В обозе людей больше, чем в дивизии. По мере продвижения вперед число беженцев будет расти. Люди выйдут из подполья и присоединятся к освободителям. Ведь им не ска-

жешь: «Нельзя, подождите, пока мы вернемся». Их тоже нужно будет прикрывать.

— Все это верно,— сказал Федько.— В Киеве белогвардейцы. Но мы для того и пошли на север, чтобы освободить Киев. Ступайте! И помните: за каждого беженца отвечаете, как за красноармейца.

Сугак потоптался, тихо спросил:

— А как быть с автомобилями, товарищ начдив? Горючего — ни капли. Спалить придется.

— На такие дела ума не надо. Мы и так много спалили и взорвали военного имущества. Автомобили везти на волах. Их у нас много.

— Дороги-то шибко худые. Ладно, как-нибудь вытащим,— и Сугак торопливо вышел.

Федько достал лист бумаги. Поморщился: «Дороги шибко худые». Верно. И впереди хорошей погоды не будет. И дальше придется чаще всего идти проселочными дорогами. И ночевать под открытым небом. Так безопаснее. И об этом нужно предупредить командиров. Враги будут нападать со всех сторон. Надо пробиваться вперед и охранять растянувшийся обоз беженцев. Дивизия в огненном кольце. Этого нельзя скрывать. И Федько написал:

«...Одесса, Вознесенск, Помошная, Черкассы, Переяслав заняты деникинцами. Пространство между Каневом и Белою Церковью и к югу от этой линии до железной дороги Бирзула — Вольфантовка занимают регулярные петлюровские части».

Усталость пригнала голову к столу. Веки слипались. Уснуть бы часок-другой. Нельзя. Федько встал, вынес на улицу ведро воды, сказал связному:

— Лей из ковшика на голову.

Холодная вода приятно освежила все тело.

Вернулся в штаб и довольно быстро сформулировал главную задачу: «... сохраняя максимум живой

силы и материальных средств, выйти шоссейными и проселочными дорогами на соединение с северными советскими войсками, действующими от Киева, нанеся противнику решительный удар с тыла в районе между Фастовом и Переяславом».

Указав порядок движения бригад и их состав, начдив приказал:

«...Умань занята петлюровцами. Своевременно привести части в боевой порядок и стремительно провести наступление, имея своей задачей овладение и перерыв железнодорожной линии Христиновка — Тальное».

Федько подписал приказ, разбудил только что уснувшего начальника штаба Владимира Васильевича Попова:

— Посмотрите на свежую голову, оформите и разошлите немедленно. А мне доставьте последние разведывательные и оперативные сводки.

Внимательно прочитав их, начдив не нашел ответа на главный вопрос: какими частями противник располагает под Уманью? Приказал Попову выслать специальную разведку.

Важные сведения о неприятеле получил совершенно неожиданно командир 3-й бригады А. В. Мокроусов. На машине он обогнал авангард колонны и въехал в местечко Голованевск. На центральной площади, над каменным домом, увидел желто-голубой петлюровский флаг.

— Комендатура! Пошли! — вытаскивая маузер, сказал Мокроусов своим спутникам — начальнику полевого штаба Рябову и комиссару Турецкому.

Смельчаки ворвались в дом. Ошеломленные петлюровцы сложили оружие. Пленный комендант рассказал, что в соседнем селе Покотилове находится штаб дивизии. Мокроусов сразу же воспользовался

телефонной связью, дозвонился до начальника дивизии Шумского и предупредил его от имени местной комендатуры, что в Покотилово высылается отряд для усиления обороны Умани.

Вскоре снаряженный Мокроусовым отряд беспрепятственно вошел в Покотилово и захватил в штабе полковника Шумского со всеми оперативными документами.

Так начдив Федько получил исчерпывающие данные о противнике. Умань обороняют 5-я и 12-я петлюровские дивизии, располагающие двумя бронепоездами и довольно сильными артиллерийскими частями. Враг имеет двойное преимущество. В случае успеха красные бойцы воспрянут духом, в случае поражения погибнут не только полки, но и многотысячный обоз беженцев.

Федько решил атаковать Умань малыми силами, а самую многочисленную бригаду Мокроусова двинуть в обход города с последующим ударом по неприкрытым флангам и тылу.

Сосредоточенным огнем двенадцати орудий были изрядно побиты и отогнаны к станции Христиновке вражеские бронепоезда. Кавалеристы под командованием Урсулова и Купянского ворвались на позиции петлюровцев. В бою отличился доблестный 520-й полк И. С. Моисеенко. Храбро и мужественно сражались бойцы 517-го полка под командованием П. И. Тарана, захватившие «отдельный железнодорожный отряд» во главе с командиром. В полку появилось десять трофейных пулеметов.

Разбитые петлюровские дивизии бежали из Умани.

Свой приказ от 3 сентября начдив Федько закончил обращением к отличившимся воинам:

«Всем бойцам и командному составу, геройским ударом разбившим врага, занявшим Умань и тесня-

щим отступающего противника, *приношу товарищескую благодарность»*.

Это была первая значительная победа в походе на Киев. Федько с гордостью смотрел на толпы ликующего народа, на вышедших из подполья комсомольцев и коммунистов, на выпущенных из тюрьмы узников. Они просили:

— Дайте винтовки. Надо за все рассчитаться.

Начдив радовался такому пополнению. В строй вступают бойцы, яростно ненавидящие врага.

Федько приказал комбригам: всем красноармейцам предоставить отдых, пусть спят десять часов. Обязательно вымыть в бане, пропарить белье, починить обувь. И пусть поют песни и гуляют. Чувствуют себя победителями.

5

...Отдохнули — и снова в бой. 58-я дивизия выбила белогвардейцев из Белой Церкви, а петлюровцев — из Сквир. И дальше, дальше — на север. 15 сентября начдив Федько донес о том, что части противника отброшены и захвачено шестьсот пленных, семь исправных орудий и четырнадцать пулеметов.

В тот же день удалось установить связь с начальником героической 44-й стрелковой дивизии Иваном Наумовичем Дубовым. До выхода из окружения и соединения с северянами оставался один большой переход. И он был сделан.

18 сентября героические полки 58-й дивизии заняли город Радомышль. Согласованным ударом 44-й дивизии с севера и 45-й с юга был освобожден Житомир. Южная группа войск разорвала кольцо вражеского окружения и соединилась с частями Красной Армии.

По всем подразделениям и командам был зачитан приказ И. Ф. Федько. С радостью, с ликованием слушали бойцы приветственные слова любимого начальника:

«Гордо шли вы вперед, разбивая противника. Неприятельские преграды не были страшны для вас. Вы прошли свыше 1000 верст, без ропота, не зная усталости. Своим славным походом вы вписали золотую страницу в историю революционной борьбы.

...Объединенными силами мы сотрем с лица земли всю белогвардейскую и петлюровскую сволочь, освободим Украину от рабских цепей и восстановим власть трудящихся — Советскую власть».

Вышли с линии огня живыми, невредимыми тысячи благодарных беженцев.

Слава о героическом рейде Южной группы войск донеслась до Московского Кремля. Совет Рабоче-Крестьянской Обороны на заседании 1 октября 1919 года принял специальное постановление:

«1. Наградить славные 45 и 58 дивизии за героический переход на соединение с частями XII армии почетными знаменами революции.

2. Выдать всей группе за этот переход, как комсоставу, так и всем красноармейцам, денежную награду в размере месячного оклада содержания.

Председатель Совета
Рабоче-Крестьянской Обороны
В. Ульянов (Ленин)»¹.

Постановление Совета Рабоче-Крестьянской Обороны было зачитано во всех частях и подразделениях 58-й, отныне Краснознаменной стрелковой дивизии.

¹ В. И. Ленин. Военная переписка. 1917—1920 гг. М., Воениздат, 1966, стр. 345.

И, воодушевленные ленинской наградой, бойцы и командиры двинулись на штурм вражеских позиций у города Фастова. Хорошо обученные и вооруженные белогвардейские полки контратаковали превосходящими силами. На поредевшие части 1-й бригады белогвардейцы бросили четыре танка. Красноармейцы впервые встретились с бронированными, несущими гибель машинами и попятились назад. Комбриг коммунист Шишкин остановил бойцов. Сосредоточенным огнем орудий танки были отогнаны. Армейские большевики подняли бойцов в атаку, и они ворвались в Фастов. Мужество и воинское мастерство комбрига Андрея Александровича Шишкина было отмечено орденом Красного Знамени.

В боях за Фастов и Киев отличилась команда бронепоезда «Память 18 сентября», захваченного у белых на пути к станции Трубецкой. Командир, бывший балтийский моряк Александр Шапильский, умело маневрируя и управляя огнем, вывел из строя хваленые белогвардейские поезда «Даешь Москву» и «Витязь» и оказал большую поддержку пехотинцам. Начдив Федько представил Александра Петровича Шапильского к высшей боевой награде.

На подступах к Киеву проявил высокое мужество и стойкость 3-й полк интернационалистов. Командир полка, сын венгерского шахтера, большевик-ленинец Лайош Гавро Реввоенсоветом республики был награжден орденом Красного Знамени.

Стал краснознаменцем командир 3-й бригады Алексей Васильевич Мокроусов, ворвавшийся во главе 522-го полка в Киев.

Для развития успеха начдив Федько запросил у командующего 12-й армией подкрепление. Свежих сил не было. Противник, удержавший мосты через Днепр, подтянул резервные части и перешел в контр-

наступление. После двухдневных кровопролитных уличных боев красные бойцы оставили Киев.

58-я стрелковая дивизия перешла к обороне.

Реввоенсовет 12-й армии направил И. Ф. Федько на учебу в Академию Генерального штаба. Сдав дела боевому другу Павлу Ефимовичу Княгницкому, Федько 12 ноября в специальном приказе простился с товарищами по оружию.

В Москву Федько ехал с радостью. В кармане лежала выписка из приказа Реввоенсовета республики от 27 октября 1919 года о награждении начдива 58-й Краснознаменной стрелковой дивизии Ивана Федоровича Федько орденом Красного Знамени *«за отличие в славном переходе, который проделали части Южной группы...»*.

Генералы отступают

1

23 мая 1920 года Центральный Комитет РКП(б) опубликовал тезисы «Польский фронт и наши задачи», в которых указывал на необходимость мобилизации всех сил советского народа для разгрома атакующих армий белополяков.

Газета «Правда» звала:

«Вперед, рабоче-крестьянские полки! К винтовкам, мозолистые руки! В передовые линии, коммунисты!»

В передовые линии! Большевик Иван Федько, только что окончивший первый курс Академии Генштаба, решил в эти трудные для страны дни отдать все силы и знания защите любимой Родины и подал

рапорт с просьбой послать его в действующую армию.

Реввоенсовет республики направил Федько на Юго-Западный фронт. 14 июня 1920 года Иван Федорович был назначен начальником 46-й стрелковой дивизии.

Федько принял дивизию в суровую пору изнурительных боев с вышедшими из Крыма полками барона Врангеля. Отражали непрерывные, упорные атаки опытных офицерских частей. Начдив 46-й стрелковой, мужественно и умело выполняя трудные боевые задания, проявил себя способным полководцем.

Основной удар отборных белогвардейских дивизий, рвущихся к Донбассу, приняла 46-я героическая дивизия.

Начдив Федько умело подготовил операцию по разгрому вражеского гарнизона в Большом Токмаке. В ночь на 13 июля полки 46-й дивизии внезапным ударом заняли Большой Токмак. Противник вынужден был оттянуть в этот район Дроздовскую дивизию, придав ей специальный отряд бронемашин и кавалерийские части.

Днем 13 июля начальник штаба Иван Максимов вручил Федько телеграмму командующего 13-й армией Иеронима Петровича Уборевича. В ней говорилось: «Объявляю благодарность от лица службы героическим частям 46-й дивизии за удачный налет на Большой Токмак в ночь с 12 на 13 июля».

— Давайте-ка включим это в приказ по дивизии,— сказал начдив начальнику штаба.— Пусть узнают все бойцы, как высоко оценил командарм их подвиг. И еще добавим от нас. Пишите: «Со своей стороны объявляю благодарность доблестным стрелковым полкам, кавполку и артиллерии дивизии,

участвовавшим в налете, принесшем противнику большие потери. Считаю своим долгом отметить героическую работу команды бронепоезда № 19 под губительным артогнем, содействовавшей успеху операции. Приказываю командирам частей представить к награде особо отличившихся красноармейцев и комсостав».

Максимов заметил:

— О представлении к награде мы как-то уже писали.

— Надо об этом напоминать постоянно. Командиры очень устали и после боя забывают о своем первейшем долге — поблагодарить, наградить тех, кто проявил храбрость и воинскую сметку. Ни один герой не должен быть забыт.

Федько достал полевую книжку, полистал ее, сказал:

— Напомните командиру легкого артдивизиона Хипову, чтобы он представил к награде командира пулеметного взвода Антона Мейлуса, его помощника Филиппа Корнеева, командира расчета Петра Шинкаренко и пулеметчика Федора Храпова. Я видел, как они метким огнем буквально срезали цепь белогвардейцев. Снова показал себя с лучшей стороны командир 2-й батареи 1-го легкого артдивизиона Гончарский. Нужно ходатайствовать о награждении его орденом Красного Знамени.

...46-я стрелковая дивизия получила сложную и трудную задачу — задержать продвижение противника в районе Орехова.

По данным разведки, Федько знал, что на Ореховское направление генерал Врангель нацелил корпус Кутепова, донской казачий корпус Абрамова и сводный конный корпус Бабиева.

Фамилии этих царских генералов Федько не раз

слышал в Киевской школе прапорщиков и тогда же читал об их наградах в газетах. И вот сейчас бывший прапорщик Федько должен любой ценой — именно так и сказано в приказе — *любой ценой* остановить продвижение имеющих большой боевой опыт белогвардейских генералов. Силы явно неравные, но приказ надо выполнить...

Прошел первый день боя. Поздно вечером начдив Федько получил донесения от всех командиров. Сведения были неутешительные. Используя броневики и конницу, противник потеснил части 46-й дивизии и занял населенные пункты Тифенбрун, Сладкую Балку, Омельник, Жеребец. Два полка 137-й бригады были разбиты.

Федько не спал всю ночь — готовил бригады к новому бою. Бой продолжался весь день 26 июля. 136-я и 138-я бригады подошли вплотную к Орехову, но город взять не могли. Легко рапортовать о победе. Трудно докладывать о том, что приказ не выполнен. В сражении за Орехов должны были участвовать полки 2-й Конной армии, но они были атакованы конницей белых и никакой помощи 46-й дивизии не оказали.

С тревогой ждал Федько ответ командарма. Может быть, даст передышку. Бойцы очень устали. Полки потеряли половину состава. Уборевич приказал продолжать наступление и любой ценой взять Орехов.

Снова — *любой ценой*. Надо поднимать бойцов из окопчиков и штурмовать офицерские полки Дроздовской дивизии.

Федько атаковал врага ночью. После восьмичасового боя полки ворвались в Орехов. Победа не радовала Федько. Он понимал, что его дальнейшие успехи зависят от действий 2-й Конной армии. Удастся

ли ей сдержать напор конного корпуса генерала Бабиева?

В семь часов утра 136-я и 138-я бригады 46-й дивизии были атакованы крупными силами кавалерии. Вражеские самолеты бомбили, бронемашины заливали свинцом.

И снова пришлось отступить.

Ночью шатающийся от усталости Федько вернулся в штаб. Голова бессильно опустилась на стол. Сон сковал тело.

Поспать не удалось. Начальник штаба Максимов сообщил:

— Командарм требует к проводу.

Федько потер ладонями лицо и пошел в телеграфную.

Уборевич запрашивал: «Доложите о причинах оставления Орехова».

Отвечать трудно, а надо. Стремясь выделить главное, продиктовал: «Я привлекаю максимум сил противника на себя. А в этот момент мой сосед, конная, ведет себя пассивно. При той малоподвижности пехоты и при подвижности конницы противника не представляется возможности быстро маневрировать. Части дивизии потрепаны. Осталась боеспособной лишь бригада курсантов. Во время боя под Ореховом я был там. Лично руководил боем до двадцати двух часов. Части дрались выше всякой похвалы, но превосходство противника не дало возможности дивизии выполнить свою задачу до конца».

Федько смотрел на аппарат и думал, что теперь скажет командарм. Идут пятые сутки непрерывного сражения.

На ленте появились слова: «Я только что говорил с командующим Юго-Западным фронтом относительно 2-й Конармии. Он приказал командиру

2-й Конной¹ принять все меры к выполнению поставленной ему задачи. Я знаю, как героически дралась сегодня 46-я дивизия... Для ликвидации наступления противника 46-й стрелковой дивизии необходимо центром своим прочно занять район Орехова».

В восемь часов 28 июля по приказу начдива Федько части 46-й и сводная бригада курсантов вновь перешли в наступление. Несколько атак белые отбили. В двадцать три часа Федько сам повел курсантов в атаку. Развернули Красное знамя. Сурово и торжественно прозвучали слова «Интернационала»:

Это есть наш последний
И решительный бой...

Последний! Решительный! Курсанты прошли сквозь огонь врага...

Федько доложил командарму: «Приказ выполнен. Орехов взят. В резерве нет ни одного бойца».

2

...Октябрь 1920 года. Прифронтовой город Екатеринослав. Полуразрушенная центральная гостиница. В ней разместился штадив 46-й стрелковой.

Начдив Федько готовится к боевой операции. Изучает разведывательные сводки, допрашивает пленных. Отдает комбригам приказания. Вечером идет в клуб. Выступает на собрании. Благодарит токарей и слесарей за своевременно отремонтированные пулеметы и орудия и призывает:

¹ 2-й Конной армией в это время командовал О. И. Городовиков.

— Впереди большие бои. Товарищ Ленин указывает нам, что теперь победа над Врангелем — наша главная и основная задача. Кто способен держать в руках оружие, вступайте в нашу дивизию.

— Пойдем с вами, товарищ Федько!

— Записывай! Давай винтовки!

Федько улыбнулся:

— Есть винтовки, товарищи. И пулеметы есть, и орудия. Мы сильнее врага. Победим!

Радостное настроение не покидало начдива весь вечер. Недавно дивизия получила пополнение — пять тысяч бойцов. Сегодня в красноармейские ряды вольется надежный сводный отряд екатеринославских рабочих. Для выполнения боевой задачи командарм-13 Уборевич придал 46-й стрелковой кавалерийскую бригаду Павла Николаевича Кицюка. Теперь есть возможность маневрировать...

Ночью двинулись к Кичкасу. Два полка Федько направил в тыл частям хваленной Марковской дивизии, расположившимся на хуторах Веселых.

Бой начался на рассвете.

С кургана Федько видел в бинокль, как поднялся столб пыли. Это белогвардейцы на повозках удирали из хуторов Веселых.

Федько приказал комбригу Кицюку немедленно атаковать противника.

И конница обрушилась лавой. Донеслось нарастающее, торжествующее «ура!».

— На коней! — сказал Федько Максимову. — Поехали в Кичкас.

— А не рановато ли? — усомнился начштаба. — Все-таки... марковцы.

— Пора! На плечах ворвутся.

Совместным ударом кавалерии и пехоты был уничтожен 3-й марковский полк. В Кичкасе удалось

захватить много оружия, боеприпасы, оперативные сводки и приказы генерала Врангеля. Прочитав документы, Федько поспешил к телеграфистам. Спросил:

— Что передаете?

— Оперативную сводку штадива.

— Немедленно передайте в штаб 13-й армии вот эти документы с пометой: «Срочно направить лично командующему Южфронта Фрунзе». Отстукайте слово в слово, чтоб ни одной буквы не потерялось. И как можно быстрее. Документы особой важности...

— Не сомневайтесь, товарищ начдив.

Командующий Южным фронтом Михаил Васильевич Фрунзе горячо поблагодарил начдива 46-й И. Ф. Федько за документы, раскрывающие ближайшие оперативные планы армии Врангеля. Была произведена перегруппировка войск и 2-я Конная армия направлена в тыл белой коннице, двигавшейся к станции Апостолово с намерением нанести фланговый удар 6-й Красной армии.

...Развивая достигнутый успех, начдив Федько продолжал наступление и занял Бурвальд и Нижнюю Хортицу.

Белые генералы спешно переправили свои полки на левый берег Днепра.

Поздно вечером 15 октября Федько доложил командарму-13 Уборевичу о том, что приказ выполнен — правобережный Александровск-Грушевский район освобожден от противника...

Победы 46-й стрелковой и приданных ей частей получили высокую оценку командующего Южным фронтом М. В. Фрунзе в его приказе от 19 октября 1920 года:

«Отмечаю особо доблестное поведение частей 46-й и приданных ей 85-й бригады, 3-й дивизии, кав-

бригады т. Кицюка и бригады курсантов, которые под общим командованием Начдива-46 тов. Федыко первые расстроили план врага, смяв дружным ударом Марковскую дивизию, создав этим угрозу александровским переправам противника и отвлекши на себя часть сил, предназначенных противником для дальнейшего развития успеха в решающем никопольско-грушевском направлении»¹.

3

...По приказу командующего Южным фронтом М. В. Фрунзе 46-я стрелковая дивизия была подчинена 2-й Конной армии и переброшена в район Никополь.

М. В. Фрунзе подчеркивал в своей директиве от 19 октября:

«Создание плацдармов в районах Ниж. Рогачик и Никополь имеет решающее значение для всей предстоящей операции. Обращая на это внимание командармов, требую, чтобы на осуществление этих задач были выделены достаточные силы, обеспечивающие успех. Заблаговременно подтянуть необходимые средства для закрепления за нами плацдармов»².

Это трудное и ответственное задание было возложено на 46-ю дивизию.

Начдив Федыко и все работники штаба сразу же занялись подготовкой к переправе через Днепр. Армейские большевики провели беседы о призыве вождя партии Ленина покончить с Врангелем до зимы.

¹ М. В. Фрунзе. Избранные произведения, т. I. М., Воениздат, 1957, стр. 383.

² Там же, стр. 386.

В эти дни в Никополь специальным агитпоездом прибыл председатель ВЦИК М. И. Калинин. Начдив Федько поспешил в агитпоезд. Доложил о боевой готовности частей и от имени бойцов попросил Михаила Ивановича выступить в полках 136-й бригады. Она первой переправлялась на левый берег Днепра.

Доходчивая, яркая речь Калинина вдохновила красноармейцев на подвиги. На митинге Федько вручил Михаилу Ивановичу почетный подарок от личного состава дивизии — шашку.

Ночь с 25 на 26 октября начдив Федько встретил на берегу Днепра. В три часа на плотках и лодках переправился 406-й стрелковый полк, возглавляемый кавалером ордена Красного Знамени Петром Карповичем Ларцевым. В строгой тишине бойцы вошли в плавни и сняли спавшую в кустах заставу. Их начальника, молоденького поручика, направили к начдиву Федько.

Поручик охотно рассказал о том, что в селе Водяном находится караульный батальон 2-го полка Марковской дивизии. Штаб генерала Третьякова и основные силы расположены в большом селе Днепровка.

— Сколько орудий имеет Марковская дивизия? — спросил Федько.

Поручик пожал плечами:

— Примерно двадцать пять. А может, больше. Ведь я не артиллерист.

— Да и пехотинец вы скверный. Проспали все на свете...

Поручик помял выцветшую фуражку, тихо спросил:

— Вы меня... расстреляете?

Этот вопрос невольно напомнил Федько о недавней гибели шестнадцати курсантов. Их захватили белогвардейцы в Орехове. Допрашивали, пытали всю

ночь. Утром приказали пленным вырыть яму. Курсанты копали братскую могилу и пели: «Это есть наш последний и решительный бой...»¹

— Мы пленных не расстреливаем,— сказал Федько.— А вот ваши соратники, господа офицеры, замучили в Орехове шестнадцать курсантов. Они погибли, не изменив присяге.

Поручик низко опустил голову.

Федько подозвал конвойного:

— Отведите пленного на кухню. Пусть накормят...

Федько приказал комбригу-136 Шеметову: 406-м полком занять Водяное, до рассвета переправить 408-й и 411-й стрелковые полки и захватить Днепровку.

К концу дня комбриг Шеметов донес, что село Водяное освобождено. Атаку на Днепровку противник отбил шквальным пулеметным и артиллерийским огнем. Полки бригады окопались в четырех верстах от Днепровки.

Федько крепко потер озябшие руки. Он хорошо знал, что такое шквальный огонь двадцати пяти орудий. А у наших там — ни одного. Прижмут к реке и уничтожат. Плохо, что нет связи. Прошло несколько томительных часов. Комбриг Шеметов молчал. Поздно ночью дежурный по штабу доложил Федько:

— К вам какой-то Матезалков просится. Говорит, с той стороны.

— Проведите сюда!

¹ Из шестнадцати погибших героев удалось опознать шесть курсантов Петроградской инженерной школы. Это были: Болтов, Кильч, Лившиц, Орлович-Волк, Тененен и Туленков. По решению Советского правительства в 1920 году в Кремле был установлен памятник, венчающий коллективный подвиг курсантов, павших под Ореховом и Синельниковом.

Человек с той стороны заговорил торопливо, с заметным акцентом:

— Я Мате Залка. Прибыл по приказанию адъютанта 408-го полка товарища Степанова. Превосходящие силы противника отбросили полк на бугры. К Днепру. Просил передать: немедленно вышлите патроны и резерв.

— Где остальные полки бригады?

— Тоже отошли. В кусты. Связь между ними нарушилась.

— Вы уверены в этом?

— Сам видел, когда к вам пробирался.

Федько вырвал листок из полевой книжки, но ничего не написал. По всему видно: связной толковый, передаст точно.

— Слушайте, Мате Залка. Немедленно отправляйтесь обратно. Разыщите комбрига Шеметова и скажите ему: начдив Федько приказал во что бы то ни стало взять село Водяное. Действовать совместно с комбригом-137, который только что переправился на левый берег. Патроны будут доставлены в Водяное. Я с полевым штабом выеду в Водяное через два часа. Запомнили?

— Так точно. Повторял за вами.

— Ступайте. Хотя подождите минутку. Снимите-ка вашу мокрую шинель.

Федько протянул свою теплую, добротную шинель Мате Залке.

— Поменяемся. Жаль, ничего нет согревающего...

— Согреюсь. На той стороне жарко...

Пройдя сквозь полосу огня, в четыре часа ночи Мате Залка передал приказ начдива¹.

¹ За героизм, проявленный в боях под селом Водяным, славный сын венгерского народа Мате Залка был награжден орденом Красного Знамени.

Командир 409-го полка Александр Лунев атаковал Водяное. Противник встретил огнем. Завязалась перестрелка. У красноармейцев кончились патроны. Лунев направил команду подносчиков к комбригу за боеприпасами.

Патроны еще не подвезли. И тогда Лунев поднял бойцов в штыковую атаку. Она была внезапной и яростной. Немногим белогвардейцам удалось уйти из села Водяного.

Победа 409-го полка спасла две бригады от разгрома. В восемь часов все полки были выдвинуты в район Водяного.

Начдив приказал комбригу-136 в двенадцать часов перейти в наступление и во что бы то ни стало взять Днепровку, комбригу-137 — совершить глубокий обходный маневр и окружить Днепровку.

Тяжелый бой продолжался четыре часа. Марковская дивизия была разбита. Красные бойцы захватили весь обоз противника.

Федько выехал в Днепровку. В штабе белых на полу лежал начальник Марковской дивизии генерал Третьяков. Он должен был удерживать Днепровку в своих руках до прибытия Донского конного корпуса. Третьяков не выполнил этот приказ Врангеля и застрелился...

— Вынесите и похороните, — распорядился Федько и, присев к столу, занялся изучением оставленных белыми документов. Некоторые из них оказались весьма ценными, раскрывающими взаимодействие Марковской дивизии и Донского конного корпуса генерала Говорова, который вот-вот должен был подойти к Днепровке.

Федько немедленно принял все меры к тому, чтобы отразить атаки конницы.

Точным огнем стрелков, пулеметчиков и артиллеристов натиск неприятельских полков был отбит.

Атака следовала за атакой. Сражение продолжалось до ночи.

46-я стрелковая выстояла, удержала Днепровку. Подошли части 2-й Конной армии. И 46-я героическая дивизия снова пошла вперед — на Большую Белозерку, на Покровку, Демьяновку, Орлянк. Пошла по следам белых генералов к Черному морю.

В приморском селе Отрада дивизия получила долгожданную передышку. Начдив Федько выехал в полки для вручения бойцам ценных подарков, полученных от Михаила Ивановича Калинина.

Было приятно вызывать из строя героев и под торжественную музыку вручать золотые и серебряные часы с надписью: «Честному и смелому воину».

Первыми были награждены отличившиеся в боях за Водяное и Днепровку: командир 409-го стрелкового полка Александр Лунев, его помощник Федор Корзюков и комиссар Зиновий Зевин, командир 408-го стрелкового полка Павел Неумывако и помощник командира 410-го стрелкового полка Григорий Парфинов.

У Ивана Федько хорошая память. Вручив золотые часы отделенному командиру Абакулину, начдив напомнил стоявшим в строю:

— Яков Григорьевич Абакулин отличился под Лукашевкой. В нашу цепь прорвались кавалеристы, грозят саблями: «Бросай оружие!» Абакулин кричит в ответ: «На, держи!» И срезал пулей кадета. А второго снял с седла штыком. Тут рядом стоявшие подбодрились и назад никого из беляков не выпустили. Носи часы, Яков Григорьевич, вспоминай нашу дивизию и будь всегда честным и смелым.

Начдив вызвал из строя стрелка Шишкова, вручил награду, поцеловал и, обращаясь к бойцам, сказал:

— Вспомним жаркое дело под Кронсталем. Федор Ефимович Шишков первым поднялся в атаку и с возгласом: «За Советскую власть, вперед!» — увлек за собой товарищей. В тяжкую минуту о самом дорогом думал — о Советской власти. Будьте же, товарищи, верными сынами социалистической республики и в мирное время, до которого остался всего один переход.

Начдив готовился к этому последнему переходу. Дивизия стояла в боевой колонне, нацеленная на Чонгарский мост — на станцию Джанкой. С этой задачей успешно справилась легендарная 30-я стрелковая дивизия под командованием И. К. Грязнова.

Белый Крым пал. С Врангелем покончили.

14 декабря 1920 года по приказу Реввоенсовета 4-й армии Федько сдал дивизию своему заместителю Грушецкому и выехал на учебу в Москву.

...Благодарная Советская Родина высоко оценила ратные подвиги Ивана Федоровича Федько. В приказе № 190 Реввоенсовета республики сказано: «Начальник 46-й стрелковой дивизии тов. Федько награждается вторично орденом Красного Знамени за храбрость, мужество и искусное руководство действиями дивизии в делах на врангелевском фронте, в результате коих были разгром Марковской дивизии противника и закрепление за нами, после боев 28 и 29 октября 1920 года, Никопольского плацдарма, явившегося исходным этапом к полному разгрому войск Врангеля».

1

Ивану Федоровичу Федько было свойственно всегда находиться в постоянной боевой готовности. В начале марта 1921 года вспыхнул кронштадтский мятеж. Слушатель Академии Генштаба решил, что его место там, где Республике Советов угрожает опасность, и подал рапорт, в котором просил послать его на вновь открывшийся опасный фронт.

В Петрограде, в штабе 7-й армии, добровольца принял командарм Михаил Николаевич Тухачевский и направил командиром 187-й отдельной стрелковой бригады, которая входила в сводную дивизию Южной группы войск и была расквартирована в Ораниенбауме.

Новый комбриг ознакомился с готовностью полков к наступлению. С горечью убедился в том, что бойцы, участвовавшие в неудачном штурме 8 марта, считают Кронштадт неприступной крепостью.

В Кронштадтском полку Федько подал команду «в ружье!» и засек время. Собирались двадцать семь минут. Некоторые бойцы притворились больными и не встали с нар. Строгим, наметанным взглядом Федько окинул строй, без труда заметил неуважительное отношение к оружию, обмундированию, снаряжению. Командиру полка приказал всех «болящих» немедленно отправить для освидетельствования в санчасть. Находящихся в самовольной отлучке строго наказать. Привести в порядок обувь. Снабдить всех подсумками и маскировочными халатами.

— А как быть с теми, кто агитирует против наступления? — тихо спросил командир полка.

— Обезоруживать, арестовывать и направлять в трибунал.

В тот же день комбриг познакомился с командирами и заменил сомневающихся в успешном завершении боевой операции. В подразделениях были проведены занятия по преодолению противопехотных препятствий и ведению уличного боя.

В предельно короткий срок все части были подготовлены к наступлению.

16 марта комбриг Федько получил приказ начальника сводной дивизии П. Е. Дыбенко: 17 марта в три часа ночи атаковать Кронштадт со стороны Петроградских ворот и овладеть центральным районом — штабом крепости. По плану начдива 187-я бригада должна была решить самую сложную задачу: рассчитать путь для наступления следующим за ней частям Южной группы.

Комбриг Федько создал штурмовую колонну, включив в нее полк особого назначения, два батальона курсантов, две роты молодых матросов и отряд петроградских коммунаров. Одну треть штурмовиков составляли самые надежные бойцы — коммунисты. Возглавил штурмовую колонну герой гражданской войны, дважды краснознаменец Рудольф Вольдемарович Розе.

И вот наступил час атаки. Из штурмовой колонны вышла ударная группа — триста бойцов и четыре пулеметных расчета. Ее повел комбат Николай Степанов.

Комбриг Федько шел в шеренге 561-го стрелкового полка. Густой туман прикрывал мокрый лед. В сапогах вскоре захлупала вода. Бойцы не курят и не разговаривают.

Тишину разорвали винтовочные выстрелы и пулеметные очереди. Две красные ракеты врезались

в мутное небо и рассыпались алыми угольками. И комбриг понял — ударная группа зацепилась за берег у Петроградских ворот. Федько передал приказание начальнику штурмовой колонны Розе: ускорив продвижение, ворваться в Кронштадт.

Справа и слева грузно дробят лед взрывы. Комбриг думает о том, успеют ли штурмовики проскочить полосу заградительного огня. Удержит ли Николай Степанов отвоеванную позицию? И никого туда не пошлешь — все в атаке. Федько приказывает командиру 561-го полка Сергееву броском преодолеть огонь противника и присоединиться к штурмовой колонне.

Атакующие развернулись в цепь и побежали на слепящее пламя разрывов. И комбриг бежал вместе с ними. Скорей бы, скорей зацепиться за твердую землю! Лед кажется бесконечным. Слева встает высокий столб огня и осыпает ледяным крошевом и ступенной водой. Стонут раненые, кричат утопающие. Дышать тяжело, но остановиться нельзя! Федько радуется, увидев перед собой темные баржи. Вот он, желанный берег.

На угольной площадке комбриг развернул полевой штаб.

Трудно было удержать захваченную пристань. За час отбили четыре ожесточенные атаки. Раненые оставались в строю. В смертельно опасные минуты, когда у бойцов кончались патроны, в передовые цепи защитников пристани влились красноармейцы Кронштадтского полка. Подоспели и другие части Ораниенбаумского участка и закрепили успех 187-й бригады.

После ожесточенной схватки пала машинная школа. В ней было взято более семисот пленных.

К двум часам ночи 18 марта Кронштадт был очищен от мятежников.

Более трехсот бойцов и командиров героической 187-й бригады были отмечены орденами Красного Знамени.

Командование Южной группы 7-й армии, представляя к награде командира 187-й отдельной бригады Ивана Федоровича Федько, указывало: «...при штурме стен Кронштадтской крепости на рассвете 17 марта 1921 года примером личной храбрости и высокой доблести увлек за собой на стены мятежного города вверенные ему части, штурмуя наиболее упорно обороняющуюся юго-западную окраину крепости в непосредственной близости к линкору «Петропавловск». Ворвавшись в город, развил нанесенный противнику удар, ведя частями бригады упорный уличный бой в течение всего 17-го и ночи на 18 марта, служа своим подчиненным примером в исполнении революционного долга».

В Москву Иван Федько вернулся с третьим орденом Красного Знамени на груди.

Слушатели Академии Генштаба — участники штурма Кронштадта были приняты Председателем Совнаркома В. И. Лениным. На всю жизнь запомнил Иван Федько сердечную благодарность Владимира Ильича...

2

И снова учеба. Два месяца Федько провел в аудиториях академии, а затем опять выехал на боевую практику в Тамбовскую губернию. Советское правительство поставило перед Красной Армией задачу — немедленно ликвидировать повстанческую армию эсера Антонова.

В Тамбове Иван Федько получил назначение на должность начальника Кирсановского боевого уча-

стка. Этот район был главным опорным пунктом бандита Антонова. Здесь, в дремучих Чернавских и Пущинских лесах, атаман скрывался от погони, собирал свои разбитые полки и снова бросал их в кровавые рейды.

Для борьбы с конницей Федько решил использовать свой боевой опыт — применить автомашины, установив на них пулеметы.

Впереди на легковой открытой машине «паккард» с пулеметом «кольт», приспособленным для кругового обстрела местности, ехал Иван Федько, за ним колонной двигались грузовики, имеющие на бортах по два «максима». Настигнув банду, пулеметчики громили конников шквальным огнем из тринадцати стволов. Мощным огневым кулаком Федько разбил отряды мятежников в Кирсановском районе.

Одержанную победу удалось закрепить плодотворной агитационной работой. Вместе с другими большевиками Федько выступал на крестьянских сходках, разъяснял решения Советского правительства, призывал к борьбе с бандитами.

Весть об успехах «огневой колонны» дошла до армии, и командующий войсками М. Н. Тухачевский приказал перебросить отряд Федько в район расположения главных сил врага. На грузовых платформах машины доставили в центр сосредоточения мятежных полков.

Федько двинул «огневую колонну» на бандитов. У деревни Две Сестренки грузовики настигли тысячный отряд антоновцев. Мятежники бежали, но многих настиг меткий огонь пулеметов.

Короткая передышка — и снова в бой. Автоотряд Федько ворвался в село Бакуры. В это время бандиты готовились к маршу. Федько развернул машины. Бывалые пулеметчики ударили по шеренгам

длинными очередями. Антоновцы разбежались по домам и открыли пальбу. С колокольни церкви по машинам застрочил пулемет. Был тяжело ранен комиссар отряда. Федько выбрал выгодную позицию и точной очередью срезал вражеского пулеметчика. На помощь подоспели конники Григория Котовского и Михаила Ковалева. В жестоком бою был разгромлен трехтысячный сводный отряд бандитов. Телохранителям удалось вывезти контуженного Антонова с поля сражения.

Советская власть еще раз напомнила мятежникам о том, что все добровольно сдавшиеся сохранят себе жизнь. Из лесов и болот вышли и сложили оружие несколько тысяч повстанцев.

24 июня 1922 года в селе Нижний Шибрай при помощи бывших мятежников чекистам удалось уничтожить «неуловимого» главаря тамбовского восстания Александра Антонова и его брата Дмитрия.

Боевые заслуги Федько по ликвидации мятежных банд Антонова Реввоенсовет республики отметил четвертым орденом. Иван Федорович стал полным кавалером ордена Красного Знамени.

После боев Федько получил отпуск. Решил навестить родных. Погоревал, что не увидит старшего, любимого брата Степана — загубил его сыпной тиф в феврале 1920 года. Тяжело матери и отцу. Подумал, какие подарки купить всем родным, чтобы им было и радостно, и памятно.

Отпуск в родимом Хмелове пролетел незаметно...

3

В 1922 году Иван Федько окончил Военную академию и был назначен начальником 18-й Ярославской стрелковой дивизии.

Федько прежде всего решил познакомиться с рядовым составом и вместе с начальником политотдела Богатковым выехал в 52-й стрелковый полк.

Прибыв в полк, Федько направился в столовую. Повар, увидев перед собой начальника, поднес к белому колпаку руку и, жарко дыша, доложил:

— Товарищ начальник, щи варятся, каша парится, парится, парится...

— Хорошо! Так ей и надо, — улыбнулся Федько. — Как вас зовут, товарищ красноармеец?

— Петр Васильев. Второго года службы.

— А стрелять умеете?

— Стрелять не довелось.

— Плохо, товарищ Васильев. В армию приходят для того, чтобы научиться стрелять из винтовки, пулемета, орудия. Научиться защищать Родину — это долг каждого гражданина. С вами тоже будут заниматься. К осени вы должны стать хорошим стрелком.

Из кухни Федько прошел к пулеметчикам. Они сидели вокруг станкового пулемета. Командир взвода монотонно читал по тетрадке, из каких частей состоит замок пулемета. Начдив подошел к столу. Взводный стремительно поднялся, хотел что-то сказать, но Федько остановил его:

— Продолжайте занятие.

Командир долго не мог найти потерянную строчку.

Федько вытащил большой носовой платок, свернул жгутом, попросил сидящего рядом с ним бойца:

— Завяжите мне глаза покрепче.

Красноармеец старательно выполнил приказание.

Федько вплотную придвинулся к пулемету. Крупные, сильные руки нащупали и отделили замок.

— Вот тема сегодняшнего занятия, — сказал начдив и стал не спеша разбирать замок, называть части и объяснять их назначение и взаимодействие. Затем,

смешав их на столе, быстро собрал и вложил замок в пулемет. Снял повязку.

— Вот это здорово! — не удержался сидящий рядом красноармеец. — Ловкие руки, сами видят... Пулеметчиком были?

— Приходилось быть и пулеметчиком, и стрелком, и артиллеристом. На войне ведут огонь и ночью. И если пулемет откажет, а враг идет в атаку, лампу не зажжешь. Надо уметь в темноте находить и устранять неисправности. А теперь продолжайте занятие, товарищ командир взвода.

И Федько, сопровождаемый полковым начальством, пошел дальше. Побывал на строевых занятиях. Красноармейцы старательно и точно выполняли уставные команды. Не задерживаясь на плацу, начдив поспешил на стрельбище. Радовался, осматривая мишени: пробойны лежат кучно, в самом центре. От лица службы поблагодарил отличившихся стрелков.

Вечером в клубе начдив побеседовал с красноармейцами. Терпеливо выслушав и записав их просьбы, сказал:

— Разберемся и окажем помощь. Непременно.

— Спасибо, товарищ начдив.

— Это мой служебный долг. Я буду помогать вам, а вы поможете мне примерной службой. И тогда будем взаимно довольны друг другом...

Шесть дней пробыл Федько в 52-м стрелковом полку. За это время он провел инструкторско-методические занятия с командирами отделений, взводов и батальонов. Сам был в роли и отделенного, и взводного, и комбата. Нашел недостатки и проступки, но на подчиненных не кричал и от службы никого не отстранял. Объяснил, как лучше и быстрее изжить недочеты, назвал сроки и строго предупредил:

— Непременно проверю.

Начдив бывал во всех полках. Его надолго запомнили не только командиры и политработники, но и красноармейцы. Им пришлось по душе простой, отзывчивый, много видевший и знающий человек, у которого «вся грудь светится в орденах».

Федько довольно быстро установил связи с местными партийными и советскими организациями. Предприятия Ярославля стали шефами полков 18-й стрелковой дивизии.

На 16-й объединенной губернской конференции РКП(б) 19 марта 1923 года Иван Федорович Федько был единодушно избран делегатом на XII съезд Коммунистической партии.

4

Осенью 1923 года 18-я стрелковая дивизия участвовала в маневрах и получила хорошую оценку командования. Начдив был доволен. Штаб и все службы работают хорошо. Впервые за долгие годы появилось свободное время. Федько занимался спортом: гимнастикой, плаванием, верховой ездой. Играл в городки. Оборудовал верстак и своими руками сделал для кабинета стол и стулья. Начподив Богатков заметил свежие мозоли, поинтересовался:

— С чего бы это, Иван Федорович?

— Старую профессию вспомнил. Люблю хорошие, прочно сделанные вещи. Рубанком не только доску обстругиваю, лишний жир с живота сгоняю. Ожирение для строевого командира гибели подобно.

В эти дни Федько познакомился со студенткой Ярославского медицинского института Зиной Буралковой. Скрамная, веселая, остроумная. Засмеется, словно колокольчики зазвонят. А глаза! Большие, голубые-голубые, под стать чистому июльскому небу.

Она еще молода, только что исполнилось двадцать лет, но с ней можно часами говорить о литературе, живописи, музыке. С ней приятно побывать в театре и просто походить по набережной Волги и отдохнуть...

Федько терпеливо сдерживал большое, светлое, хорошее чувство. Ведь это любовь не на час — на всю жизнь. Пусть и Зина увидит его со всеми недостатками и достоинствами. Самое страшное — разочароваться в любимом человеке. И только когда все стало ясным до конца, Иван Федько объяснился в любви.

Была свадьба, много друзей и много радости. В большой квартире начдива появился порядок и уют. Каждый свободный вечер превращался в маленький праздник.

Неожиданно все изменилось. 25 июня 1924 года Иван Федько был назначен командиром 13-го стрелкового корпуса. Из милого Ярославля нужно было уезжать в Азию, в город с непонятным названием Душанбе. Воевать с басмачами. Жену туда везти не следует. Пусть здесь закончит институт.

Зинаида Михайловна терпеливо выслушала доводы мужа и спокойно сказала:

— Я поеду с тобой. Хоть на край света, хоть к черту на рога.

— Но ведь это неблагоприятно. Бросать институт...

— Институт я закончу. Заочно или очно, все равно закончу. Ведь я не могу без тебя жить, Ваня, понимаешь, не могу. Там же Азия — басмачи, тарантулы, скорпионы. Едем вместе...

— Трудно будет, Зина, очень трудно.

— А я легкой жизни и не искала, когда за тебя замуж пошла. Ты к спокойной жизни не приспособлен. Лезешь туда, где опаснее. Так было раньше, так, видно, будет и всегда...

— Ты права. Так было и так будет.

...И вот Душанбе. Незнакомые люди. Женщины с наглухо закрытыми лицами. И под рукой нет самых необходимых вещей. Есть одиночество. Командир корпуса Федько все время в разъезде. Гарнизоны дальние, глухие. На кладбище часто звучит похоронная музыка. Провожают бойцов и командиров, павших в схватках с басмачами. И дни, и ночи кажутся длинными...

Однажды вечером Зинаида Михайловна сидела у двери и прислушивалась, не зарокочет ли мотор машины мужа. Зашуршала глина. Она оглянулась и увидела перелазящих через забор, воровато озирающихся людей. Один из них тихо сказал:

— Не бойся, ханум. Муж дома?

Зинаида Михайловна рванулась к двери, закрычала:

— Спасите!

— Скажи, где муж, Федька?

Около стены застучали военные сапоги. Во двор вбежали проходившие командиры. Басмачи скрылись.

Зинаида Михайловна позвонила в штаб корпуса дежурному и попросила прислать охрану.

На следующий день приехал Федько. Увидев часового у калитки, испугался, побежал домой:

— Что случилось, Зина?

— Ничего особенного. Вчера за твоей жизнью приходили басмачи. Какое счастье, что ты был в командировке.

— Счастье, что ты жива. Что ты пережила, бедняжка!

Федько обнял жену.

— Ведь говорил тебе: грызи медицинскую науку в Ярославле. Не послушалась.

— Я буду грызть науку, а тебя будут подстерегать басмачи. Ты еще плохо меня знаешь, Ваня. Одно попрошу: когда командировка длинная, почаще сообщай о себе. Жив, здоров и все. И пусть дежурный звонит. Беспокоюсь я за тебя.

— Дело идет к концу. Выведем всех бандитов, непременно выведем. Придет время, и будет наша земля чистая и счастливая от края и до края...

...Настала осень. Как-то поздно вечером Федько пришел необычно радостным. Поцеловал жену, попросил:

— Ну-ка протяни ладонь, протяни.

— Купил что-нибудь? — спросила Зинаида Михайловна, протягивая к мужу руку.

— Это не продается, — сказал Федько и положил на ее ладонь орден. Он был ярким, как маленькое пламя.

— От Таджикистана, — улыбаясь произнес Федько. — Трудового Красного Знамени. Как это хорошо звучит — Трудового...

Всегда в строю

1

...Во второй половине октября 1928 года И. Ф. Федько получил назначение на должность помощника командующего войсками Ленинградского военного округа М. Н. Тухачевского.

Михаил Николаевич тепло принял своего помощника и прежде всего поинтересовался, где он остановился.

— Жена и сын в гостинице.

— В гостинице хорошо, а дома лучше,— улыбнулся Тухачевский.— Будете жить в нашем большом доме на улице Салтыкова-Щедрина. Забирайте мою машину и перевозите семью и вещи. Служебными делами займемся послезавтра.

— Могу явиться и завтра.

— Отдохните с дороги. Сложные военные вопросы следует решать со свежей головой.

Сложные военные вопросы... Сколько их удалось решить с помощью выдающегося военачальника М. Н. Тухачевского! Вместе налаживали противовоздушную оборону Ленинграда. Первые учения ПВО вскрыли существенные промахи и недостатки. Пришлось пересмотреть систему противовоздушной защиты, обратиться с ходатайством об увеличении зенитной артиллерии, истребительной авиации, постов воздушного наблюдения и оповещения. Прежде чем отправить документы в Москву, Тухачевский решил заручиться поддержкой секретаря обкома С. М. Кирова. Спросил:

— Иван Федорович, вы лично Кирова знаете?

— Встречался в Астрахани.

— Вот и хорошо! Поезжайте в Смольный, ознакомьте Сергея Мироновича с нашими предложениями и, если он найдет их правильными, попросите содействия.

Киров сразу же узнал Федько:

— Очень рад видеть вас, Иван Федорович. Судя по увесистой папке, вы явились в роли просителя.

Федько кратко изложил суть дела и положил на стол документы. Киров прочел, одобрил:

— Весьма нужное дело. Ленинград — город приграничный. Нужно надежно прикрыть его с воздуха. Я следил за ходом учений и уже кое-что предпринял для улучшения противовоздушной обороны на пред-

приятнях. Полностью присоединяюсь к вашей просьбе,— и Сергей Миронович взял вставочку и склонился над документами. Федько, улыбаясь, смотрел, как пишет Киров.

Позвонили. Сергей Миронович послушал, сказал: — Сейчас выезжаю.

Положив трубку, посетовал:

— Вот и поговорить со старым знакомым не дают. Ничего, мы еще будем с вами встречаться и в обкоме, и в штабе. С командующим ладите?

— Мне очень повезло — работаю и учусь у самого Тухачевского.

— Всему Ленинграду повезло! Это весьма деловой и очень эрудированный человек. Простите — спешу. Звоните, заходите. Чем могу, помогу.

К помощи С. М. Кирова пришлось прибегнуть, когда создавали на границе с Финляндией Карельский укрепленный район. Каждую огневую точку проверяли на местности, всячески ускоряли строительные работы, обучали войска в предназначенных для них районах. Начальник инженерной службы Г. Х. Потапов доложил, что средств ассигновано недостаточно, не хватает рабочей силы и транспорта.

— Произведите тщательные расчеты, укажите, что конкретно требуется,— приказал Тухачевский и, обернувшись к Федько, добавил: — А вам придется снова наведаться в Смольный. Будем надеяться, что Сергей Миронович нам не откажет.

Укрепленный район был создан. И как он пригодился защитникам Ленинграда в годы Великой Отечественной войны! Да и система противовоздушной обороны, внедренная Тухачевским и Федько, вплоть до самой блокады не пропустила ни одного фашистского самолета.

Тухачевский считал, что победить сильного, хо-

рошо вооруженного врага можно за счет технической оснащённости армии, создания бронетанковых, механизированных, воздушно-десантных соединений. По поручению командующего Федько вместе с начальником оперативного отдела Д. Н. Никишевым организовывал нештатный воздушно-десантный отряд. Талантливый военный инженер В. И. Бекаури сконструировал специальные приспособления, позволяющие подвешивать под плоскость самолетов легковой автомобиль с радиостанцией и танкетки Т-27. После длительной подготовки осенью 1930 года впервые в Красной Армии на маневрах под Ленинградом была успешно осуществлена комбинированная высадка и высадка воздушного десанта. Положено прочное начало в строительстве воздушно-десантных войск.

Федько радовался крепнущей с каждым новым законченным делом дружбе с Тухачевским. Михаил Николаевич подарил помощнику свою книгу «Наши учебно-тактические задачи» и посоветовал:

— У вас есть весьма ценные методические разработки по обучению войск. Они должны стать достоянием не только округа, но и всей армии. Да и фронтовой опыт у вас весьма поучительный. Пишите, Иван Федорович.

У Федько было мало свободного времени, и все-таки он сумел написать несколько статей, обобщающих приобретенный опыт: «Организация командно-штабных учений со средствами связи», «Действия передового батальона», которые были напечатаны в журнале «Военный вестник». А в газете «Красная звезда» опубликованы материалы, популяризирующие успехи, достигнутые в политическом воспитании воинов: «Политобеспечение наступательного боя роты» и «Общественность и боевая подготовка».

...Командир 1-й Кавказской дивизии М. П. Ковалев получил приказание вместе с комиссаром срочно явиться в штаб Кавказской Краснознаменной армии.

В Тбилиси Ковалев встретил всех командиров и комиссаров дивизий. К ним вышел начальник штаба Михаил Иванович Алафузо и сообщил:

— Вновь назначенный командующий нашей армией товарищ Федько приказал всем командирам и комиссарам дивизий, а также работникам штаба встретить его на вокзале, имея при себе полевое снаряжение.

Кто-то буркнул:

— Какой почет. Как наркома встречаем.

Ковалев невольно подумал: «Неужели старый боевой товарищ так изменился? Может, слава вскружила голову...»

На штабных машинах приехали на станцию.

Пришел поезд. Федько в полевом снаряжении вышел из вагона, поздоровался со всеми и предложил:

— Садитесь в машины и следуйте за мной.

Выехали за город. Федько приказал остановиться, сошел с дороги, подозвал спутников.

— Стрелковое отделение выдвинулось вон на тот бугорок, что против вас, и попало под огонь противника,—громко произнес он.—Кто из вас подаст команду и поведет отделение?

На минуту все оцепенели. Волей командарма комдивы превращены в отделенных командиров и должны немедленно решить тактическую задачу. Она кажется несложной, но очень отдаленной от их высокого звания. Стояли, растерянно поглядывая друг на друга.

Федько выждал несколько минут и сказал лукаво:

— Что, товарищи командиры, видно не так-то просто и легко командовать отделением, как иногда кажется? А ведь отделение — основная ячейка, из которой складывается полк. Прошу вас, товарищ Ковалев, по старой дружбе, выручайте, командуйте отделением.

Ковалев вышел вперед, скомандовал:

— Пулемет на позицию! Огонь! Отделение, в укрытие, за мной! А дальше, используя вот эту лощинку, я поведу отделение и атакую пулемет противника.

— Правильно. Условимся, товарищи командиры, наша группа — это отделение или взвод, в зависимости от поставленной задачи. Назначенный отделением или взводным командует, а вы выполняете команды так, как выполняют хорошие стрелки. Никаких условностей и упрощений! Все, как в боевой обстановке. После занятий — короткий разбор. Понятно?

— Понятно, товарищ командарм, — без особого воодушевления ответили «стрелки».

И начались тактические, для многих весьма неприятные и тяжелые занятия. Больше десяти лет по-пластунски не ползали, короткими перебежками не занимались, речки не форсировали. И вот новый командарм заставил. Распорядок выдерживает строго: в шесть часов подъем, в восемь — начало занятий, в тринадцать — перерыв. Усталые, пропотевшие, в измазанных гимнастерках «стрелки» — комдивы спешили к машине командарма. Вытаскивались бутерброды и лимонад. После обеда занятия возобновлялись до позднего вечера.

Сборы продолжались две недели. За это время обучающиеся приобрели много полезных навыков, освоили передовую методику организации и проведе-

ния занятий с подчиненными и, конечно, физически окрепли. Они вплотную приблизились к решению самых насущных и важных учебных задач, высоко оценили простоту, опыт, теоретические знания и необыкновенную трудоспособность нового командарма.

В последний день Федько подвел итоги сборов:

— Я был свидетелем вашего усердия и уверен, что вы все уроки твердо усвоили. Завтра возвращайтесь в свои соединения и приступайте к работе. Желаю вам больших успехов. Я скоро буду у вас и посмотрю, как идут дела.

На следующий день Ковалев одним из последних прошел в кабинет командарма. Доложил о своих нуждах и заботах. Федько подсказал, как быстрее и лучше решить вопросы. Ковалев встал, направился к двери. Федько остановил:

— Подожди, Михаил Прокофьевич. Скажи откровенно: наши занятия прошли хорошо или плохо?

— Очень хорошо. Занимаясь текущими штабными делами, мы подчас забываем о главном — о том, как учиться военному делу и живет красноармеец.

— А здесь вы сами побывали в роли рядовых бойцов. Ведь есть и такие начальники, которые никак не могут снизойти до красноармейца, считают излишними беседы с подчиненными. А я вот люблю бойцов: курносых и горбоносых, рыжих и черных, всяких...

Разговор затянулся. Федько взглянул на часы, попросил:

— Пойдем ко мне. Пообедаем. С женой познакомлю. С сынишкой. Владимиром назвали — как Ильича...

...Иван Федорович Федько был командармом Кавказской Краснознаменной сравнительно недолго — с февраля 1931 года по апрель 1932 года. За это время он успел выдвинуть армию в число передовых в

Вооруженных Силах страны. За хорошую боевую подготовку частей и соединений Закавказский ЦИК наградил И. Ф. Федько орденом Трудового Красного Знамени и почетной шашкой с дарственной надписью.

3

...Прошли годы.

Командующий Киевским военным округом Иван Федорович Федько сидел за столом и думал о предстоящем выступлении в Житомирском избирательном округе. Ему довольно часто приходилось делать доклады и читать лекции. И военные, и политические. Говорить не трудно, когда знаешь, о чем говорить, и веришь идеям, которым служишь. А здесь надо рассказывать о себе, о том, как прожил жизнь и чем заслужил высокую честь быть избранником народа в первом Верховном Совете. Нужно рассказать о самом главном. И Федько не спеша, словно книгу, перелистал свою жизнь. Вспомнил походы и бои, победы и поражения. Для памяти набросал на листке даты прохождения службы в мирное время: заместитель командующего Ленинградским военным округом, командарм Кавказской Краснознаменной, командующий Приволжским военным округом, заместитель командарма Особой Краснознаменной Дальневосточной... Где только не побывал, сколько замечательных людей узнал!..

Тихонько, на цыпочках подошел сын, шепотком спросил:

- Папа, ты будешь ужинать или прямо поедешь?
- Буду. Вот только еще немножко подумаю.
- Бабушка в третий раз чайник подогревает.
- Да, нарушение домашней дисциплины. Нехорошо. Пошли ужинать. А как уроки?

— Мама проверяла. Говорит... можно лучше.

— Если можно, значит и нужно.

...Первое выступление было в Житомире. Федько сидел в президиуме, слушал речи и сердито пощипывал карандаш. Хвалят, слишком уж горячо и неудержимо хвалят. Скромнее надо и проще.

И свое выступление Иван Федорович начал так:

— Товарищи! Все, что сказано о Федько, я отношу к Коммунистической партии и Советской власти. Партия учила, растила, воспитывала и вела меня по ступенькам жизни. И если бы не было Советской власти, не было бы и командующего Киевским округом командарма Ивана Федько.

В зале зааплодировали дружно и горячо.

Федько сказал несколько слов о своей работе и заверил собравшихся:

— Я приложу все силы к тому, чтобы полностью оправдать оказанное мне высокое доверие. Всегда, везде и всюду буду работать на благо Родины.

В январе 1938 года на первой сессии депутаты избрали Ивана Федоровича Федько членом Президиума Верховного Совета СССР.

В Киев не вернулся — был назначен заместителем народного комиссара обороны СССР. Иван Федорович не испытывал радости. Наверное, есть более опытные, более сильные военные руководители на такой ответственный пост. И только железное партийное надо заставляло его принять на свои плечи огромную работу по укреплению оборонной мощи страны.

Теперь свободных вечеров не стало. Были только одни неотложные, требующие напряжения всех сил дела.

...23 февраля 1938 года командарм 1-го ранга Иван Федорович Федько за проявленное им мужество и самоотверженность в боях с врагами Советской власти и за выдающиеся успехи и достижения в боевой, политической и технической подготовке частей и подразделений Рабоче-Крестьянской Красной Армии был награжден орденом Ленина.

Через четыре дня в Кремле Михаил Иванович Калинин вручил ордена большой группе командиров и политработников. От имени всех присутствующих с краткой речью выступил командарм 1-го ранга И. Ф. Федько. Клятвой прозвучали его слова:

— Наша армия непобедима, потому что каждый боец вооружен самым сильным оружием — великими идеями Ленина, потому что наш боец окружен любовью стосемидесятимиллионного советского народа. Бойцы, командиры и политработники берут на себя обязательство перед правительством Советского Союза — работать не покладая рук, с еще большей энергией и страстностью над дальнейшим повышением боевой и политической подготовки.

...Из Кремля Федько вышел вместе с маршалом Василием Константиновичем Блюхером, которому также был вручен орден Ленина. Падал легкий, пушистый снег, и Мавзолей был светлым, чистым, сверкающим. Федько остановился, тихо сказал:

— Как жаль, что так рано умер Ленин. Как он нам всем нужен...

— Очень рано. Ильичу было бы сейчас всего шестьдесят семь лет, — с нескрываемой грустью и болью произнес Блюхер и торопливо зашагал к машине.

А Федько задержался. На ярчайшей белизне Крас-

ной площади с изумительной четкостью выделялась длинная шеренга пришедших на свидание с Владимиром Ильичем. Старые и молодые, разноплеменные, торжественно притихшие люди медлительно-тихо продвигались к Мавзолею. Иван Федорович, приезжая в столицу на съезды и юбилейные заседания, всегда приходил сюда, к центру людского притяжения, вспоминал прошлое и строго проверял свое настоящее. И в этот день, подытоживающий его двадцатилетнюю службу в Красной Армии, решил снова увидеть дорогие, не подвластные разрушительной силе времени черты. И, встав в шеренгу незнакомых и в то же время родственных людей, командарм 1-го ранга вновь пережил самый главный день своей жизни — апрельскую встречу с Владимиром Ильичем, окончательно определившую жизненный путь. А когда приблизился к Мавзолею, не мог разминуться с днем всеобщей январской скорби, мирового траура. И вспомнились щемящие томительные минуты, предшествующие заступлению в почетный караул. И суровое, бледное, с покрасневшими веками лицо храбрейшего из храбрых Яна Фабрициуса, и безвольно опущенные плечи человека железной воли и мужества Григория Котовского, и крупные слезы на лице героя легендарной Каховки Роберта Эйдемана. Их уже нет в строю. Многих нет в живых из тех, что плакали у гроба Ленина. И прежде чем покинуть Красную площадь, Иван Федорович неторопливо прошелся вдоль стены, хранящей имена выдающихся сынов советского народа.

Небо прояснилось. Над Мавзолеем алым знаменем рдела заря...

Федько сел в машину. Шофер спросил:

— Куда едем, Иван Федорович?

— В наркомат. На службу,— сказал командарм.

Весна 1973 года. В центральном парке города Сумы у памятника пионеры сажают цветы. На граните выбиты слова:

Федько И. Ф.

1897—1939

В селе Хмелове в совхозе-заводе имени И. Ф. Федько его земляки успешно завершили весенний сев.

Есть школы, улицы, заводы, названные именем легендарного героя гражданской войны, большевика-ленинца Ивана Федоровича Федько. Он с нами, командарм Иван Федько. И как всегда, в строю наступающих...

* * *

*

Автор выражает благодарность за оказанную помощь родным героя: его братьям В. Ф. и П. Ф. Федько, сыну В. И. Федько, О. Е. Федько, К. С. Федько, В. М. Буралкову и боевым друзьям и соратникам: И. А. Израенко, Н. Д. Дубовой, М. П. Ковалеву, А. И. Находкину, В. В. Попову, И. Л. Хижняку, А. П. Шапильскому (Цупову).

Содержание

Начало пути	4
В огненном кольце	27
Благодарность Ленина	71
Генералы отступают	90
Быть там, где опаснее...	105
Всегда в строю	116

Кондратьев Николай Дмитриевич

НА ЛИНИИ ОГНЯ

(Эпизоды из жизни командарма Ивана Федько)

Заведующий редакцией *А. И. Котеленец*

Редактор *И. В. Чулочникова*

Младший редактор *М. С. Анисимова*

Художественный редактор *Г. Ф. Семиреченко*

Технический редактор *О. М. Семенова*

Сдано в набор 19 декабря 1973 г. Подписано в печать 7 марта 1974 г. Формат 70 × 108^{1/32}. Бумага типографская № 1. Условн. печ. л. 5,78. Учетно-изд. л. 5,31. Тираж 200 тыс. экз. А00073. Заказ № 3070. Цена 19 коп.

Политиздат. Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий». Москва, Краснопролетарская, 16.

19 коп.

ПОЛИТИЗДАТ • 1974